

ГЕОРГИЙ СКРИПКИН

ЖИЗНЕННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Георгий Скрипкин
Жизненные откровения.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462130

ISBN 9785448373350

Аннотация

В данный сборник рассказов входят произведения, написанные автором за последние десять лет, они подсказаны автору самой жизнью. В них нет ничего ирреального, только правда жизни, какой бы горькой она ни была. Автор воспринимает окружающий мир и судьбы его обитателей с большой долей сопереживания. Можно с уверенностью сказать, что читатель сможет найти в этом сборнике близкие ему темы. Но читать их нужно с открытой душой и добрым сердцем.
www.skripkin.ru

Содержание

Гаражные разговоры	5
Воровать надо с умом	5
Курортные откровения	11
В метро ездить тоже неплохо	22
За завершение дачного сезона	27
Футбол знают все	30
Дурила	35
Секс с последствиями и без	42
Белый снег, пушистый	48
В переполненном автобусе	50
Встреча выпускников	54
Встреча	79
Выстрел в голову	84
Две жены Бориса Смирнова	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Жизненные откровения

Сборник рассказов

Георгий Скрипкин

© Георгий Скрипкин, 2017

ISBN 978-5-4483-7335-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гаражные разговоры

Воровать надо с умом

Вечер в гаражном кооперативе, как всегда, завершился задушевным мужским разговором.

Главный травильщик анекдотов Тимоха Трепалов, по кличке Трепач, собрал вокруг себя с десятков мужиков, уже успевших поставить в автоконюшни своих железных рысаков.

Разговор так бы и закончился последним анекдотом, но тут майор в отставке Иван Чубатый задал мужской компании новую тему:

– Слыхали, мужики, как в Сибири один инкассатор несколько мешков с деньгами сп.. стибрил?

– Не несколько мешков, а только два, – уточнил отличавшийся особой пунктуальностью Андрей Тюлькин. Именно эта пунктуальность и сделала его начальником отдела снабжения одной представительной фирмы.

– Чего-чего, – переспросил глуховатый пенсионер Артем Палыч.

– Чего-чего, – передразнил его Тимоха, – докатились, говорю, уже мешками деньги стали воровать.

– Ни хрена себе, – оживился Артем Палыч, – куда только

власти смотрят. Скоро всю страну разворуют.

– А ты, Палыч, не каркай, – вступил в разговор малый бизнесмен Эдуард Потехин.

– А я и не каркаю, – обиделся Палыч, – уж и так полстраны повывезли черт те знает куда.

– Известно куда, – оживился Иван Чубатый, – вся Англия в наших деньгах купается.

– И Америка тоже, – поддержал его активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин.

– А чем это тебе Америка-то не нравится, – вступил в разговор вечный диссидент Пафнутий Мочалов, для которого Америка была эталоном не только демократии, но и житейского существования.

Кстати сказать, диссидентом Пафнутий был по совместительству, основной же его специальностью была журналистика. Работал он в одной местной газетенке, собравшей под свое крыло недовольных жизнью со всей округи.

– Ну, наш журналюга опять за Америку вступается, – воскликнул Тимоха, – уж не приплачивают ли они тебе из-за бугра?

Пафнутий немного смутился, а некоторым показалось, что даже покраснел. Потом он взял себя в руки и бодренько произнес:

– Так что это ты Иван про ограбление-то сказал?

– А то и сказал, – встрепенулся Иван, – что 250 миллионов спер у банка их же законный инкассатор.

– Сколько-сколько, – выпучив глаза, переспросил Всеволод Бычаркин.

Надо признаться, что «Новостей» по телевизору он не смотрел, радио не слушал, но партийную прессу читал взахлеб. И видать припозднилась эта пресса с таким вопиющим фактом грабежа.

– Двести пятьдесят миллионов, – повторил Иван.

– Зеленых, – переспросил Бычаркин.

– Нет, наших деревянных, – за Ивана ответил Эдуард Потехин. После этого уточнения Бычаркин удовлетворенно выдохнул, будто 250 миллионов деревянных не представляли для него особой ценности.

– Ну, украл, а дальше-то что, – спросил Тимоха.

– А дальше, зарыл он эти мешки в землю, и сам в лесу укрылся, – сообщил Иван.

– Вот дурила, – возмутился Артем Палыч, – разве с деньгами так поступают.

– А ты бы как поступил, – спросил Андрей Тюлькин.

– Я-то, – переспросил Палыч, – я бы за бугор с ними свалил.

– Ты, Палыч в своем уме, или как, – покрутил возле виска Пафнутий, – во-первых, это тебе не зеленые, а во-вторых, с такими мешками за границу не выпустили бы.

– Тебя бы не выпустили, а Палыча запросто, – хихикнул Тимоха.

– А тебе бы только позубоскалить, – заступился за Палыча

Всеволод.

– Пафнутий прав, – поддержал диссидента Иван, – такие мешки в карман не положишь.

– А зачем тогда воровать, – удивился Тюлькин.

– Вот и я тоже в сомнение впал, – поддержал Тюлькина Потехин, – если воруеть, то знай, на что они тебе сгодятся.

– Ясно дело на что, – заявил Тимоха, – да на эти миллионы можно такой сабантуй устроить, что мама не горюй.

– Кто про что, а вшивый все про ..... – начал было Иван, но Пафнутий его перебил:

– За бугром на эти деньги можно бы неплохо раскрутиться, а у нас и есть деньги, так развернуться не дадут.

– Ну и как бы ты за бугром на эти деньги раскрутился, – с нескрываемым любопытством спросил Палыч.

– Я то, – переспросил Пафнутий и, почесав затылок, продолжил, – я купил бы себе особняк на берегу моря, яхту, машину последней модели и женился бы на какой-нибудь миллионерше.

– Слыхали, куда наш правдолюбец миллионы хочет вложить, – обратился к слушателям Потехин.

– Вот я и говорю, что скоро все за бугор вывезут, – напомнил Палыч.

– Да не вывезут, – попытался успокоить Палыча Тюлькин, – сейчас нашему предпринимателю тоже дают развернуться. Вот и малому бизнесу начали помогать.

– Какое там помогать, – возмутился малый бизнесмен Потехин, – дождешься от них помощи. Только и делают, что в твой карман заглядывают, да препоны всякие ставят.

– Да уж тебе поставишь, – ехидно бросил Тюлькин, – ты сам кого угодно облапошишь.

– Кто, я, – еще больше возмутился Потехин, – это ваш брат снабженец норовит себя не обидеть.

– Ты снабженцев не трожь, – взъерепенился Тюлькин, – если бы не они, то и бизнеса-то никакого не было.

– Бизнеса бы не было, а дело бы было, – вставил свое замечание Тимоха.

– Да уж, делов наворотить мы умеем, – встрял в разговор Пафнутий, – вот и этот инкассаторишко деньги украл, а распорядиться ими, как следует, так и не сумел.

– И то верно, – поддержал Пафнутия Иван, – я, говорит, не знал, что в машине такие деньжищи.

– Дуриком прикидывается, – предположил Бычаркин, – ведь много не мало. Увидел, что денег много, так возьми, сколько переварить сможешь, а остальные оставь.

– Видать, жаден мужик, – предположил Палыч.

– Не то слово, – поддержал Палыча Тюлькин, – при виде таких деньжищ глазенки-то забегали, ручонки-то затряслись.

– Губенка-то раскатилась, – продолжил Пафнутий, – и обалдел мужик от привалившего счастья.

– Обалдеешь тут, когда мешки с деньгами перед глазами

маячат, – произнес Иван.

– Я бы тоже обалдел, – сказал Тимоха.

– Конечно бы обалдел, – с ехидцей поддержал Тимоху Потехин, – у тебя в башке сразу стол, заставленный деликатесами да спиртным, замаячил бы.

– Не без этого, – согласился Тимоха, – такое дело не грех бы и обмыть.

И тут в гараже появилась дородная Тимохина жена.

– Это кто тут на обмывку намылился, – с грозой в голосе спросила жена.

– Да это так, к слову пришлось, – засуетившись, стал оправдываться Тимоха.

– Я тебе сейчас такое слово покажу, что век помнить будешь, – показав внушительный кулак, произнесла жена.

При виде кулака, мужики стали боком выходить из гаража. Крутой нрав Тимохиной жены они уже успели изучить.

Но не беда. Завтра эту тему они постараются продолжить.

Курортные откровения

В этот вечер гаражные собратья встретились в гараже малого бизнесмена Эдуарда Потехина. Хозяин гаража только что вернулся из жаркой и в прямом, и в переносном смысле Турции, и эта весть с невероятной скоростью облетела гаражный кооператив.

Бледнолицые собратья с нескрываемой завистью смотрели на пышущего загаром Эдуарда, изредка переключая свое внимание на бутылку с экзотическим напитком, стоявшую на столе.

Но Эдуард делал вид, что не замечает переключений внимания собратьев, и не спешил разливать напиток по стаканам.

О посадке в самолет он уже успел рассказать и хотел продолжить повествование о многочасовом перелете в Турцию, но Тимоха Трепалов безапелляционно перебил его:

– Эдуард, на кой черт слушать твои воздушные переживания, ты нам что-нибудь про Турцию выдай.

– Правильно Тимоха, – поддержал Трепалова Тюлькин, – мы все когда-то летали и знаем, как это волнительно. Ты нам про Турцию давай.

По решительному тону Тюлькина Эдуард понял, что слушатели излишне напряжены, и это напряжение пора снимать алкогольным омовением организмов.

Взяв в руки бутылку, Эдуард произнес:

– Господа-товарищи, сегодня я хочу угостить вас национальной турецкой водкой Рака, которая готовится из винограда. Для придания водке специфического вкуса в нее добавляется анис.

Сказав это, он разлил по стаканам грамм по 25 анисовой водки и попросил собравшихся прочувствовать весь аромат турецкого напитка. Собравшиеся втянули носами анисовый аромат, поморщились, а Всеволод Бычаркин сделал попытку отпить напитка из стакана.

– Всеволод, – остановил его Эдуард, – эту водку в Турции пьют разбавленной.

– А чего тут разбавлять-то, – возмутился Всеволод, – всего-то 45 градусов.

– Не гони лошадей, Всеволод, – поддержал Эдуарда майор в отставке Иван Чубатый, – разбавлять, так разбавлять.

Почувствовав поддержку, Эдуард взял со стола бутылку минеральной воды и разбавил водку 50 на 50. От этого разбавления водка немного побелела, и это насторожило собравшихся.

– А чего это с ней, – воскликнул глуховатый пенсионер Артем Палыч.

– Ну и серый ты, Палыч, – вступил в разговор диссидент Пафнутий Мочалов, – это побеление говорит о том, что данная водка только для белых.

– Вот ведь супостаты, и тут нас обошли, – не поняв подво-

ха, удивился Палыч, – разбавил водичкой и смотри для кого эта водка. Побелела – для белых, осталась бесцветной – для всей остальной братии.

За столом раздался дружный хохот, который прервал Эдуард:

– За такое побеление эту водку называют львиным молоком.

– Красивое название, – воскликнул начальник отдела снабжения Андрей Тюлькин.

– Красивое, красивое, давайте уж вздрогнем, – воскликнул нетерпеливый Тимоха и первым осушил содержимое своего стакана.

За ним одним бульком опустошили стаканы остальные участники данной дегустации.

И только Эдуард с укоризной посмотрел на собравшихся и изрек:

– Да разве так пьют этот божественный напиток. Чтобы как следует прочувствовать весь нектар, его в Турции пьют маленькими глотками.

– А они там и пить-то не умеют, – уверенно произнес Тимоха, – ну кто же водку разбавляет. У нас на работе даже спирт не все разбавляют.

– Нашел чем хвалиться, – с укоризной посмотрев на Тимоху, произнес Пафнутий, – поэтому турки так и не нажираются, как наши.

– А ты, Пафнутий, наших не трогай, – обиделся за сопле-

менников Чубатый, – да наши кому угодно фору дадут.

– Мы уже и так дали, – воскликнул Тюлькин, – никто больше нас в мире не пьет.

– А потому и не пьют, что боятся, как бы не окочуриться, – со знанием дела заявил Палыч.

– Ишь, какой храбрый нашелся, – усмехнулся Тюлькин.

– А ты не смейся, – обиделся Палыч, – нам в войну эти самые сто грамм храбрости прибавляли, и жизни помогали сберечь.

– А не выпить ли нам по этому поводу еще по одной, – предложил Пафнутий.

Эдуард хотел разлить остатки Раки по стаканам, но Чубатый остановил его и, достав из бокового кармана бутылку Столичной, предложил:

– Это пойло оставь на потом, а сейчас давайте выпьем нашенской.

Сидевшие за столом оживились и с благодарностью посмотрели на Ивана.

– Давай лучше нашенской, – раздались голоса.

Выпив Столичной, Палыч вытер рукавом рот и с блаженством произнес:

– Но это же совсем другое дело. Ишь, как она, родненькая, пожигает, прямо жить хочется.

– Да, про Турцию сегодня мы так и не услышим, – с сожалением произнес Бычаркин.

– На самом деле, давайте послушаем Эдуарда, – поддер-

жал его Тюлькин и, обратившись к Эдуарду, – Эдуард, давай про Турцию.

– А можно я еще немного расскажу про полет, – спросил Эдуард.

– Валяй, только немного, – слышались голоса.

И Эдуард продолжил свой рассказ:

– Не успел самолет оторваться от земли, как некоторые пассажиры раскупили спиртное и приступили к массовому братанию. Вскоре возгласы «Ты меня уважаешь», «Я тебя уважаю», «Ты мой брателла», «И за что я в тебя такой влюбленный» сменились раздражительными «Да пошел ты», «Ах, ты козел», «Ты на кого прешь, сучара». А потом началось выяснение отношений с применением силы. Представляете, на высоте десять тысяч метров то там, то тут возникают конфликты, перерастающие в потасовки. Слава богу, что их удалось вовремя остановить.

В общем, приземлились мы в Анталии поздно вечером, и первыми на борт самолета вошли полицейские. Они повязали наиболее агрессивных и вывели их из самолета.

– А куда они их повели, – спросил Палыч.

– Как куда, в полицейский участок, – ответил Эдуард, – сами понимаете, что отдых для них на этом и закончился.

– Жалко мужиков, – произнес Тимоха.

– Там не только мужики были, – сказал Эдуард, – одну бабу полицаи тоже забрали.

– Ну и дела, – воскликнул Бычаркин, – международный

конфликт получается.

– Да какой международный конфликт, – возразил всезнающий Пафнутий, – некоторых наших земляков постоянно выгружают из самолетов и отправляют обратно.

– Скажешь тоже, выгружают, что они груз какой, что ли, – обиделся за земляков Чубатый.

– Многие из них лыка не вяжут и их, действительно, приходится выгружать, – ответил Пафнутий.

– Да, с нашего самолета двоих тоже пришлось выволакивать, – подтвердил Эдуард, – в общем, около часа мы не могли выйти из самолета. В свой отель я попал только в два часа ночи.

Эдуард хотел продолжить свой рассказ, но Тимоха его остановил:

– Мужики, не гоже оставлять своих земляков в беде. Уж если мы им помочь сейчас не можем, то давайте, хотя бы, выпьем за них.

Собравшиеся дружно поддержали Тимохино предложение и так же дружно опорожнили наполовину налитые стаканы.

– Теперь продолжай, – занюхав выпитое коркой хлеба, разрешил Тимоха.

И Эдуард продолжил:

– Утром я спустился в столовую, где оторвался от души. Одних только закусок штук двадцать, а десертов и того больше.

– Неужели можно брать сколько угодно, – спросил Тюлькин.

– Конечно, что хочешь, то и бери, – ответил Эдуард, – да и выпить на халяву можно с самого утра.

– Это как это так выпить, – удивился Палыч.

– А так и выпить, – подтвердил Эдуард, стоят себе два бочонка с вином. Один с белым, другой с красным. Подошел с бокалом, открыл крантик и пей на здоровье.

– Неужели сколько хочешь, столько и пей, – в свою очередь удивился Тимоха.

– Да никто тебе даже слова не скажет, – подтвердил Эдуард, – а потом закусывай всякими восточными сладостями или фруктами.

– Неужели и фрукты дают, – проглотив слюну, переспросил Чубатый.

– Да сколько хочешь, – ответил Эдуард, – тут тебе и арбузы, и дыни, и .... В общем, всего и не перескажешь.

– Вот это лафа, – воскликнул Тимоха, – пей в три горла и ешь в три пуза. Прямо не жизнь, а малина.

– Не верится мне что-то, не лихо ли ты заливаешь, – засомневался Палыч.

– Ничего он не заливает, – вступил в обсуждение Пафнутий, – я тоже могу подтвердить, что в Турции так все и есть.

– Из тебя Пафнутий такой же подтвердитель, как из барана лектор, – с сомнением произнес Палыч, – у тебя, что за бугром – то хорошо, а что у нас – то плохо.

– Поверь, Палыч, в этот раз Пафнутий не врёт, – высказал свое мнение Бычаркин, – мой кум недавно тоже был в Турции. Так вот, наелся и напился он там от души.

Палыч в задумчивости почесал затылок, но ничего не сказал.

– Значит, со жратвой и питьем там все нормуль, – заключил Тимоха.

– Это еще не все, – продолжил Эдуард, – возле бассейна расположен бар, в котором можно пить местные алкогольные напитки с десяти утра до одиннадцати вечера.

– И все на халяву, – спросил Чубатый.

– И все на халяву, – подтвердил Эдуард.

Такая новость совсем подкосила Тимохин разум и, давась слюной, он спросил:

– А как же ты оттуда уехать-то смог?

Эдуард ненадолго задумался, так как Тимохин вопрос мог ввести в задумчивость любого трезвомыслящего человека.

После минутной паузы Эдуард произнес:

– А ты думаешь, что я там все время в отрубе находился?

– Ну не в отрубе, конечно, а под хорошим шафе, – ответил Тимоха.

– Даже под хорошим шафе мне там быть не хотелось, – твердо заявил Эдуард, – да разве будешь напиваться, когда вокруг тебя полуголые красотки томятся.

– Это как это томятся, – проявил интерес Бычаркин.

– А так и томятся, что лежат себе под солнцем, да на му-

жиков плятятся, – ответил Эдуард, – а еще подворачивают для обзора свои выпирающие прелести.

– Да, устоять тут непросто, – вздохнул Палыч.

– Но отказываться от интима тоже не резон, – заявил Тюлькин, – обозрел объект и вперед.

– Да кто бы спорил, – поддержал его Чубатый, – Эдуард – парень не промах, с женщинами обращаться умеет. Верно, Эдуард?

– Отпираться не буду, красивых женщин ценю и не пропускаю, – выпятив грудь, заявил Эдуард.

– А вот тут поподробней, – предложил Тимоха.

– Вечером на дискотеке познакомился я с одной чернявенькой. Глазищи – во, грудь – во, – показал слушателям Эдуард, – сбежали мы с ней на пляж, а там под шелест волн и прощупали друг друга по полной программе.

– Что, так сразу и дала, – удивился взбодрившийся Палыч.

– Ну почему сразу, немного покочевряжилась, а потом и разомлела под моими ласками, – сообщил Эдуард.

– Да, повезло тебе, паря, – не то с поощрением, не то с завистью выдохнул Палыч.

Вздохнешь тут, если из памяти Палыча напрочь вылетел момент, когда он последний раз лазил на свою любезную Анну Спиридоновну.

– Ну, а дальше что, – поторопил Эдуарда Тюлькин.

– А на следующий день при свете она мне разонравилась, и я нацелился на другую, – продолжил Эдуард, – та была го-

лубоглазой блондинкой, ноги от ушей, талия как у осы, а губки. Мужики, не губки, а алые бантики под греческим носом.

При этом мужики, не сговариваясь, начали давиться обильным слюновыделением, но уши свои наострили еще больше.

– С ней мне пришлось повозиться несколько дней, – продолжил Эдуард, – и все эти турки. Они толпами ходили за блондинкой, напевая ей в уши свои слащавые признания.

– Да, – поддержал Эдуарда Тюлькин, – мне тоже пришлось с турками из-за женщины бодаться.

– Ничего себе тихарила, – воскликнул Чубатый, – что-то раньше ты нам не рассказывал о своих подвигах.

– Да, просто, случая не представлялось, – взбодрившись, сказал Тюлькин, – а турки до наших женщин, ой как, охочи.

– До наших женщин все охочи, – поддержал его Бычаркин, – нигде в мире таких красавиц не найдешь.

– В других странах женщины тоже ничего, – возразил ему Пафнутий.

И тут на Пафнутия озлобились все мужики.

– Заткнись, Пафнутий, – заорали одни.

– Ну и езжай в другие страны, – посоветовали другие.

Пафнутий впервые в жизни пожалел о том, что неосмотрительно вступил в дискуссию.

Выручило его появление Тимохиной жены.

– Опять баб обсуждаете, – воскликнула она, перекрыв своим дородным телом гаражную дверь.

Возникла минутная пауза, после которой Эдуард, по праву хозяина, предложил:

– Анфиса, милости просим за наш сервированный стол.

– Спасибо, но нет времени с вами тут рассиживать, – сбавив тон, произнесла Анфиса.

– Радость моя, – заворковал Тимоха, – а ты все же при-
сядь, да попробуй заморской водочки. Она, говорят, для
женщин очень даже полезная.

Информация о заморской водочке заинтересовала Анфи-
су и она согласилась:

– Ну, разве только на минутку.

Ее усадили за накрытый стол и придвинули стакан с ту-
рецкой водкой.

Анфиса взяла стакан, понюхала его содержимое и произ-
несла:

– Самая настоящая анисовка. Мой отец любил анисовку
делать.

Сказав это, она отпила два глотка, скривилась и отметила:

– Нет, у отца лучше получалось.

Мужики переглянулись и стали собираться по домам.

За хорошее обращение Анфиса разрешила им выпить
на посошок.

Вот ведь какие русские бабы. Не только красивые, но и ду-
шевные.

Найди только к ним подход соответствующий, да словом
ласковым не скупись.

В метро ездить тоже неплохо

Поздним осенним вечером друзья-товарищи собрались в гараже у Ивана Чубатого. Не то, чтобы он сам их позвал. Просто проходившие мимо его гаража малый бизнесмен Эдуард Потехин и вечный диссидент Пафнутий Мочалов слышали какие-то странные звуки, и звуки эти напоминали страстные стенания при половом акте. Переглянувшись, они заглянули в Иванов гараж и увидели Ивана, который сидел в потрепанном кресле и вертел в руках какую-то игрушку. Именно эта игрушка и была источником страстных стенаний.

– Привет, Иван, – одновременно приветствовали они соседа по гаражам.

– Здоровеньки булы, – ответил Чубатый, пряча игрушку.

– А что это ты там прячешь, Чубатый? – спросил его Эдуард.

– Да так, – смутился Иван, – забавную игрушку мне подарили. Она так охает, да ахает, что самому хочется. – А ну-ка включи ее еще раз, – предложил Пафнутий.

Иван включил игрушку, и страстные стенания вновь возобновились.

На эти стенания, как мухи на мед, пожаловали активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин и начальник отдела снабжения Андрей Тюлькин.

Как истинный снабженец, Андрей Тюлькин держал в руках бутылку водки и банку свежесоленых огурцов.

Увидев бутылку, Иван оживился и предложил:

– Громодяне, а ни обмыть ли нам игрушку?

– Конечно, обмыть, – поддержал его Пафнутий.

– Я, вообще-то, бутылку с огурцами домой несу, – сообщил Тюлькин.

– Где это видано, чтобы настоящий мужик с гаража с бутылкой водки возвращался? – возмутился Эдуард. Говоря это, он особое ударение сделал на слове «настоящий».

Его тут же поддержал Всеволод Бычаркин:

– Настоящий мужик с бутылкой из гаража не возвращается. Нет, пустую бутылку он, конечно, может забрать домой, но чтобы целую .....

В общем, уговорили мужики смутившегося Тюлькина, быстро организовали столик и, разлив по соточке, выпили за Иванову игрушку.

За столом раздалось дружное хрумканье солеными огурчиками.

Доев свой огурец, Андрей попросил:

– Иван, а дай-ка еще раз послушать твою игрушку.

Ну как не угодишь человеку, который душу твою согрел, да еще и закусон обеспечил.

В гараже опять раздались страстные стоны и неразборчивые причитания. Слушая стоны, мужики перемигивались,

закатывали глаза, а некоторые из них пытались даже игрушке подвывать. – А что это за коллективный секс? – раздался подвыпивший голос.

Это в гараж ввалился главный травильщик анекдотов Тимоха Трепалов. Мужики посмотрели на раскрасневшегося Тимоху, а Эдуард произнес:

– Присоединяйся и ты. А если поставишь бутылку, то первым будешь.

– Бутылку поставлю, но первым не буду, – сказал Тимоха, вытаскивая из-за пазухи бутылку беленькой, – квакнуть – это я могу, а изменять супружнице – ни-ни.

– Что, неужели ни разу не изменял ей? – спросил Всеволод.

– Было дело, но так давно, что и не упомяну, – ответил Тимоха.

– Вот за это давайте и выпьем, – предложил Пафнутий.

– За что, за это? – переспросил Иван.

– А за то, что наш Тимоха верность блюдет.

Мужики выпили по второй, и Тимоха разошелся:

– Ехал я тут, мужики, в метро... – но удивленные взгляды мужиков заставили его прояснить ситуацию, – поднабрался я накануне, вот и оставил машину в гараже.

Мужики понимающе закивали головами, и только Тюлькин встрял:

– Подумаешь, поднабрался. Разве это помеха.

– Кому не помеха, а я с будуна за руль не сажусь, – возра-

зил Тимоха и на мгновение задумался.

– Продолжай, Тимоха, а то водка киснет, – подбодрил его Иван.

– Вот я и говорю, зашел я в метро, сел в вагон электрички. Вернее, еле втиснулся в этот самый вагон. Да втиснулся так, что спереди прилип к женщине лет тридцати, а с боку прислонился к молодке с округлыми формами. На следующей остановке меня так подтолкнули, что всем своим телом я ощутил тепло, исходящее как от той, так и от другой.

Тимоха опять ненадолго задумался, словно заново переживая поездку в метро.

– Тимоха, ты, это, не тяни, – проглотив слюну, воскликнул Эдуард.

– И так мне, братцы, захотелось, что хоть беги, – продолжил Тимоха, – а бежать-то и некуда. Меня аж в дрожь бросило. Стоявшая впереди женщина почувствовала мое напряжение и тоже напряглась. Наши взгляды встретились, и какая-то искорка пробежала между нами. Я попытался повернуться, чтобы не надоедать ей своим напряжением, но не тут-то было. Так в приятном напряжении я и проехал свою остановку.

Сказав это, Тимоха вытер со лба пот и потянулся к бутылке. За столом возникла минутная пауза, которую прервал Всеволод:

– А у меня тоже аналогичный случай был. Затолкнули меня в вагон метрополитена, и оказался я в окружении студен-

ток. Зажали они меня так, что выдохнуть трудно. Мало того, что зажали, так еще и егозят своими задницами. Егозят и щебечут, егозят и щебечут. И так меня разобрало, что никакого терпежу. Одна из студенток почувствовала мое нетерпение. Ее глаза округлились, и она перестала щебетать. С трудом я повернулся к другой студентке, и та тоже притихла. Глядя на них, остальные студентки тоже утихомирились. Вот так, в приятном оцепенении, я и доехал до своей остановки. Только после этого еще долго не мог успокоиться.

За то время, что Всеволод рассказывал, Тимоха успел разлить по стаканам водку, и тост созрел:

– За приятное общение с женщинами.

Так что в метро ездить тоже неплохо.

За завершение дачного сезона

В начале октября пенсионер Артем Палыч закончил свои дачные дела и вернулся в город. Первым, кого он встретил в гаражах, был Тимоха Трепалов. Увидев Палыча, Тимоха бросился к нему с объятьями:

– Палыч, друг, неужели на зимовку приехал?

Артем Палыч даже опешил от такой встречи:

– Чегой это ты, Тимоха, так обрадовался. Ужель соскучился по Палычу?

– А как же не соскучиться, если целое лето тебя не видел. Ну и поправился ты на дачных харчах. Наверное, только и делал, что ел в три горла.

Худощавому Палычу было приятно Тимохино мнение о поправке, а вот ехидное «ел в три горла» его, конечно, возмутило.

– Это ты горазд в три горла хомячить. Только и делаешь, что ешь, да треплешься. А у меня на даче делов неупроорот.

Он хотел продолжить монолог о делах, но Тимоха его остановил:

– Ты, Палыч, не обижайся. Знаю я твое усердие. Вот за это усердие и хотелось бы выпить. Ты не возражаешь?

– А тут возражай – не возражай, все равно припретесь, – пробурчал Палыч, – давайте только вечером.

Вечером в гараже у Палыча собралась вся честная компа-

ния. Стол ломился от дачных разносолов. Были тут и помидорчики консервированные, и огурчики малосольные, и салаты свежеструганные. А украшением стола стали тарелка с маринованными карпами и два вяленых леща.

По праву хозяина Палыч разлил по стаканам приготовленную им же настойку, которую гаражники называли «Палычевским эликсиром». Она не раз выручала их, выводя из чрезвычайно плохих состояний.

– Ну, Палыч, за тебя, – пересиливая обильное слюновыделение, произнес Эдуард Потемкин.

Сидевшие за столом хором его поддержали.

После опустошения стаканов на Палыча посыпались хвалебные отзывы о напитке:

– Крепка, Палыч, советская власть.

– Ох, и хорош твой эликсир, Палыч.

– Ну, ты мастак, Палыч.

Именно из-за таких приятных минут Палыч и накрывал этот стол. Вот и сейчас, блаженно улыбаясь, он приговаривал:

– Да вы закусывайте, закусывайте, надо будет, я еще до стану.

Гости с удовольствием приступили к поеданию приготовленной Палычем закуски. Немного закусив, Андрей Тюлькин решил начать задушевную беседу:

– Удивляюсь я на тебя, Палыч. Все-то ты успеваешь, на все руки мастер.

Его тут же поддержал Тимоха. У него уже несколько минут егозили на языке хвалебные слова:

– Мы тут без тебя совсем разучились собираться. А если и собирались, так постоянно вспоминали тебя. А скажи-ка, Палыч, где ты рыбку такую поймал?

Палыч попытался выпятить свою впалую грудь и ответил:

– А рыбка такая в Красивой Мече ловится.

– Красивое название, наверное, и речка красивая? – вступил в разговор Иван Чубатый.

– Да, места там красивые, а рыбааалка, – с восторгом произнес Палыч, – я такой рыбалки нигде не видывал, а порыбачил за свою жизнь в разных местах.

Оглядев присутствующих взглядом бывалого рыбака, Палыч продолжил:

– То, что я мариную – это самая мелочь. А крупный карп до десяти килограммов доходит. Бывали случаи, что мужики и под двадцать пять килограмм экземпляры вытаскивали.

– За такие экземпляры можно и выпить, – предложил Тимоха и поторопился разлить настойку по стаканам.

– Ну и шустрый ты, Тимоха, – похвалил его Палыч и поддержал, – за карпа, так за карпа. Мужики дружно выпили и принялись за маринованных карпов.

Футбол знают все

Как вы думаете, о чем говорят мужчины после игры их любимой футбольной команды? Конечно, об итогах этой самой игры.

Хорошо, если игра завершается победой любимой команды, тогда повод обмыть эту самую победу более чем достаточен. При этом во время обмывания слышны только хвалебные отзывы и победные призывы. Тогда и тренер классный, и полевые игроки – мастера, и вратарь – броня.

К сожалению, накануне очередную игру любимая команда, за которую болели наши гаражные друзья, проиграла в чистую.

Это поражение явилось поводом для детальной разборки игры, и разборка эта состоялась в гараже у Эдуарда, болеющего за футбол давно и фанатично.

Запасенная накануне водка была предназначена для обмывания победы, но не случилось. Теперь эта же водка была выставлена на стол по печальному поводу, отчего казалась какой-то мутноватой.

В нависшей тишине собравшиеся подняли стаканы и, выпив содержимое, дружно поморщились.

– Да, – начал разговор Андрей Тюлькин, – в самом конце сезона и проиграть какой-то дворовой команде.

– Не скажи, – возразил ему Иван Чубатый, – «Динамо» –

не дворовая команда.

– Дворовая, не дворовая, а на своем поле проигрывать не резон, – встрял в разговор Пафнутий Мочалов, – тем более в конце сезона.

Говоря это, он с опаской посмотрел на хмурого Эдуарда. А тот сидел, словно воды в рот набрал, и только желваки выдавали его решительный настрой и переживания. Не обративший внимания на состояние Эдуарда Тимоха распалился:

– Слабаки, да разве так играют. С пяти метров в ворота не попадают. Набрали черно...., – тут Тимоха поперхнулся, поймав на себе суровый взгляд Эдуарда, и скромно продолжил, – черненьких, будто своих мастеров нет.

– А мне, например, Тонго нравится, – не согласился с Тимохой Всеволод Бычаркин, – он один может полкоманды обвести и гол забить.

– Вот-вот, – вмешался в спор Иван, – вчера он тоже первоклассно мотался, а по воротам мазал, как сапожник.

И тут Эдуард не выдержал:

– Да что вы понимаете в футболе. Если бы не судья, козел недорезанный, выиграла бы наша, как пить дать.

– Плохому танцору вечно что-нибудь мешает, – хихикнул Палыч.

– Ну, Палыч, – вздыбился Эдуард, – был бы ты помоложе, треснул бы я тебе по носу.

И тут Тюлькин решил разрядить обстановку и предложил выпить по второй. После второй сморщились только Эдуард,

да Пафнутий. Эдуард в силу того, что заготовленная им водка предназначалась совсем для другого случая, а Пафнутий – по своей диссидентской сущности.

Остальные выпили с удовольствием, но разговор от этого приятным не стал.

Закусив выпитое огурцом, Палыч начал первым:

– Ты, Эдуард, критику должен воспринимать спокойней. По делу проиграли вчера наши футболисты. Носились по полю, как оглашенные, а толку никакого. Коллектива-то не было. Мастерились перед болельщиками больше, чем играли.

– Верно говоришь, Палыч, – поддержал его Пафнутий, – никакой сыгранности вчера не показали. Что ни пас, то противнику.

– Потому и противнику, что судья грубости не видел, – с возмущением произнес Эдуард, – наших косили в штрафной площадке, а свисток молчал. Да там одних пенальти можно было смело назначать штук шесть.

– Ну, были судейские ошибки, не без этого, – согласился с ним Тюлькин, – но, если ты настоящий мастер, то должен быть готов ко всему. Они же, в конце концов, не кисейные барышни. Вон Агапкина только чуть затронут, он по полю начинает кататься, будто ногу оторвали. А через минуту вскакивает и продолжает бегать, словно лось.

– Да уж, симулировать наши футболисты мастера, – поддержал Тюлькина Иван, – это не только нашей команды касается, и сборная этим грешит. В прошлый раз сербам про-

играли только из-за того, что судейского свистка ждали. То один завалится на землю и руками машет, то другой. Раньше такого меньше было.

– Конечно, меньше, – с радостью встрял Палыч, – раньше наши футболисты не за деньги бились, а за честь страны. А теперь только о деньгах и думают, и ведь какие деньжищи получают. – Да, платят им сейчас через чур, – вступил в разговор Всеволод Бычаркин, – люди бедствуют, а им миллионы. Чертовы олигархи, разграбили Россию, а теперь разбазаривают деньги налево и направо. Захотел флотилию яхт купил, почесал репу и футбольный клуб прикупил. Да ладно бы наш, а то английский подавай.

– Правильно и делают, – возразил Эдуард, – надо вообще весь мир скупить, может тогда и нам чего-нибудь перепадет.

– Перепадет, только карманы подставляй, – зло произнес Всеволод, – нет уж, если сам не возьмешь, то хрен тебе кто предложит.

– Правильно, Сева, – поддержал его Палыч, – никто не даст нам избавленья .....

Палыч хотел продолжить свой монолог, но Пафнутий его перебил:

– Мы это уже проходили, Палыч, и возврата к «светлому» прошлому не будет. Давайте выпьем лучше за то, чтобы в следующий раз наша команда победила.

Такой тост поддержали все присутствующие.

Дискуссия бы продолжалась до поздней ночи, но Эдуарду

с ультиматумом позвонила жена, и ему ничего не оставалось делать, как предложить собравшимся выпить на посошок.

Дурила

Очередная встреча наших автомобилистов состоялась в гараже у Андрея Тюлькина. И поводом для данной встречи был перевод транспортных средств на зимнюю резину. Машины переобуты, теперь можно и посидеть.

А почему собрались у Тюлькина, спросите вы? Да потому что перед сменой колес тот проявил свои лучшие качества снабженца и помог достать шипованую резину по вкусной цене.

Именно так выразился малый бизнесмен Эдуард Потехин. Конечно, сам Андрей в накладе тоже не остался, но это по справедливости.

После наполнения стаканов первым решил высказаться Пафнутий Мочалов.

Повернувшись к Тюлькину, он произнес:

– Выручил ты нас, Андрюха, за что тебе большое спасибо, – и, обратившись к собравшимся, предложил, – а выпьем-ка мы за нашего снабженца.

Все, конечно, поддержали Пафнутия и дружно опрокинули по стопарю. После смачного выдоха пошли в ход селедочка и припасенные соленья. Пупыристые огурчики соседствовали с красными помидорками, а маринованные грибки, принесенные Палычем, так и напрашивались на вилки собравшихся.

А между первой и второй перерывчик небольшой.

– Предлагаю выпить за большое дело, которое мы провернули, – не переставая чавкать, произнес активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин, – колеса сменить – не пару пальцев об асфальт. За колеса, товарищи.

И этот тост все дружно поддержали, ибо мысль о смене колес будоражила умы собравшихся не одну неделю. Каждый раз, выезжая на заснеженную дорогу, любой водитель начинает вспоминать о смене колес, но не всегда руки сразу доходят до этой самой смены. А тут свершилось, и с плеч долой.

Закусим-ка все это огурчиком, да подцепим на вилочку масленка. Благодать, да и только. И тут язык Тимохи Трепалова развязался, и он отрыгнул:

– Слыхали, мужики, какой-то дурила из Вологды нашел на дороге мешки с деньгами и отвез их в милицию.

Большинство из собравшихся, конечно, слышало эту новость, но обсуждать ее до сих пор как-то не приходилось.

– И сколько же денег нашел этот дурила? – спросил майор в отставке Иван Чубатый.

– Да больше трех миллионов, – ответил Тимоха.

– Больше трех миллионов, – удивился глуховатый Артем Палыч. Видно новость о потерянных деньгах прошла мимо него.

– Да, Палыч, далек ты от житейской действительности, – хихикнул Тимоха, – видать телевизор не смотришь, в интер-

нете не шаришься.

– На кой черт мне ваш ин... интренет, – возмутился Палыч, – уткнуться гляделками в... в этот самый экран и соловеют от всякой ерунды. У меня внука за уши не оттащить от этой самой игрушки. Да что внук, по вечерам и сын норовит в этот самый ин..., фу ты черт, запакастили язык какой-то тарабарщиной.

– Успокойся ты, Палыч, – похлопал его по плечу Эдуард Потехин, – прогресс все равно не остановишь. – Больно нужно мне его останавливать, – пробурчал Палыч, – скоро общаться друг с другом будете только через технику.

– Палыч, ты не прав, – решил перевести разговор в шутку Тюлькин, – пока в мире существует водочка, реального общения ничто не заменит.

– Вот это верно, – поддержал Тюлькина Иван, – а не выпить ли нам по третьей?

Сказано – сделано. Третья пролетела также смачно, как и первые две.

После закусона разговор продолжился на повышенных тонах и с большим темпераментом.

– Так что ты там, Тимоха, говорил о деньгах-то? – переспросил Пафнутий.

– А то и говорил, что вологодский дурила нашел мешки с деньгами и отвез их в милицию, – напомнил Тимоха.

– А ты бы Тимоха эти деньги себе прикарманил, – предположил Всеволод.

– Может быть, и прикарманил бы, – повысил голос Тимоха, – миллиончик-другой мне бы сейчас ой, как пригодился.

– А что бы ты делал-то с этими миллиончиками? – спросил Эдуард.

– Да уж нашел бы, куда их девать, – твердо ответил Тимоха, – машину, например, нужно менять. Квартиру сыну тоже хотелось бы купить, а то живем двумя семьями.

– Я бы тоже нашел, как миллионами распорядиться, – поддержал Тимоху Эдуард Потехин.

– Ты бы, конечно, их в дело пустил, буржуй недобитый, – предположил Всеволод.

– И пустил бы, – повысил голос Эдуард.

– Да, не тому, значит, миллиончики-то достались, – съязвил Пафнутий, – нет бы с друзьями поделиться, а Эдуард с Тимохой только о себе и думают.

– А ты, Пафнутий, много с нами своими гонорарами делился? – спросил Иван.

– Так то ж гонорары за работу, а тут халявные деньги, – ответил Пафнутий.

– И то верно, – просморкавшись, поддержал разговор Палыч, – трудовые деньги нельзя сравнивать с халявными. Но если бы мне, например, Эдуард отстегнул от миллиона несколько сотенок, я бы век его помнил.

– А что бы ты делал с этими сотенками? – спросил Тимоха.

– Да уж нашел бы куда их девать, – сразу не найдя спосо-

бов конкретного применения денег, уклончиво ответил Палыч.

– Ты не юли, Палыч, а отвечай конкретно, куда бы дел эти самые сотни, – поддержал Тимоху Иван Чубатый.

Тут Палыч надолго задумался, потом почесал затылок и серьезно сказал, – а купил бы на них своей старухе ажурное нижнее белье, а то она сроду такого не одевала.

После такого признания мужики переглянулись, а остряк Тимоха, еле сдерживая смех, выпалил, – а ты не боишься, что с таким бельем пустится твоя старуха во все тыжкие.

Мужики рассмеялись, а Палыч, строго посмотрев на Тимоху, произнес, – моя старуха и в ажурном белье хвостом вилять не будет.

– Ты смотри, как уверен наш Палыч, – съязвил Пафнутий, – а вдруг не удержится.

И тут Палыч аж подпрыгнул со скамейки, – ты это на что намекаешь, Пафнутий? Да моя Полина Сергеевна не чета некоторым, – при этом он многозначительно посмотрел на Эдуарда.

Эдуард хотел что-то возразить, но быстро передумал.

Над столом возникла гнетущая тишина, которую попытался разрядить Всеволод:

– а не хряпнуть ли нам по чарочке?

– Хряпнуть, хряпнуть, – поддержали его мужики.

Выпив по очередной, мужики похрумкали огурчиками и подолжили начатый разговор.

– Да на три мллиона можно развернуться, – мечтательно произнес Тюлькин.

Пафнутию даже показалось, что мысленно тот уже раскидал эти три миллиона на какие-то приобретения:

– Колись Тюлькин, куда бы ты эти миллионы потратил?

– А я б махнул за границу, да и пожил бы там в свое удовольствие, – уверенно прознес он.

– Ну и надолго бы тебя хватило? – спросил Эдуард.

– Да годика на два и хватило бы, а там, глядишь, какая-нибудь миллионщица пригрела б.

– Ишь ты, куда замахнулся, – удивился Чубатый, – красивую перспективу расписываешь.

– А чего мелочиться-то, – выпятив грудь, воскликнул Тюлькин, – воровать, так миллионы, а е... ехать, так к королеве.

– А как же Нинка – жена твоя ненаглядная? – спросил Всеволод.

– Ачто мне Нинка, – раздухарился Андрей, – да я за миллионы таких Нинок не один десяток оттрахаю.

Да, после очередного стакана Тюлькина понесло. Он вновь потянулся к бутылке, но не рассчитал и опрокинул ее на тарелку с соленьями.

Бдительный Бычаркин успел вовремя среагировать, и в соленья попала лишь маленькая толика спиртного.

– Этому больше не наливать, – предложил он, и начал разливать остатки водки по стаканам.

Такая перспектива Тюлькину явно не понравилась, и он встал из-за стола:

– А ну налей, диссидент недобитый.

И если б не сидевший рябом Эдуард, достал бы тюлькин-ский кулак до Севиногового подбородка.

Посошок в этот раз получился скомканным и нервным.

Секс с последствиями и без

Всей компанией наши соседи по гаражам собрались только в конце марта, потому что именно в это время Артем Палыч и Иван Чубатый начинали свой автомобильный сезон. Зимой их машины стояли в гаражах и безмятежно отдыхали.

В этот раз гаражных друзей пригласил активный участник коммунистических митингов Всеволод Бычаркин. Ему как-никак пятьдесят годков стукнуло, но груза этих лет он на себе не ощущал. Наоборот, с годами его политическая активность только увеличивалась. Да и на женщин он стал засматриваться как-то по-новому. Если раньше ему нравились женщины средних лет, то теперь его взгляд стал чаще задерживаться на прелестях молоденьких особей. Но разговор сейчас не о том.

К своему юбилею Всеволод подготовился основательно.

Посередине гаража он установил разборный стол и завадил его нехитрой закуской. В центре стола стояла банка с селедкой, которую окружали соленые помидоры, маринованные грибы, нарезанная большими ломтями докторская колбаса и чугунок с уже остывшей картошкой. Куски черного хлеба ютились на одном из углов стола.

От лица собравшихся гостей Иван Чубатый торжественно вручил юбиляру автомобильный пылесос и предложил выпить за именинника. Автомобилисты дружно выпили и без

спешки принялись за закуску. А чего торопиться-то, если весь вечер впереди.

После первой наступила очередь второй:

– Давайте пожелаем Всеволоду безаварийного сезона. Пусть летает на своей ласточке и забот не знает, – предложил Андрей Тюлькин.

Мужички хором поддержали Андрея и потянулись стаканами к юбиляру.

После второй языки у собравшихся развязались, и Тимоха Трепалов возбудил всех на дискуссию: – Слыхали, мужики, какой-то французиска на бабе погорел.

– Не какой-то, – поправил его Эдуард Потехин, – а глава МВФ.

– Это что за МВФ такой? – спросил глуховатый Артем Палыч.

– МВФ, Палыч, – это международный валютный фонд, – пояснил Эдуард.

– Международные бабки, значит, – хихикнул Тимоха.

– Вот ведь как, на бабках сидит, да еще и баб щупает, – удивился Палыч.

– Так кто на бабках сидит, тот и первый щупальщик, – уверенно произнес Иван.

– Это они с жиру бесятся, – по-стариковски проворчал Палыч.

– А я вам скажу, мужики, не все здесь чисто, – вступил в разговор вечный диссидент Пафнутий Мочалов.

– У тебя, Пафнутий, всегда не все чисто, – махнул рукой Тимоха и предложил, – за здоровье именинника надо выпить.

Сказано – сделано. Стаканы глухо звякнули, их содержимое перелилось в утробы собравшихся. А потом селедочка, да с картошечкой.

Продолжая чавкать, Пафнутий продолжил дискуссию:

– А потому и нечисто, что человек в президенты Франции нацеливался, вот его и подставили. Уговорили горничную, она и разыграла сцену с попыткой изнасилования.

– Так там только попытка была? – с разочарованием спросил Палыч.

– Вот то-то и оно, что попытка, – подняв указательный палец, произнес Пафнутий.

– Да этот француз сам не промах, – вступил в разговор именинник, – эти капиталисты так и норвят, чтоб потрахаться.

– А коммунисты, значит, не такие, – заерепенился Тимоха, – нашел тоже ангелов.

– Они, конечно, не ангелы, но совесть все же имеют, – возразил Всеволод.

Если бы сегодня он не был именинником, раздраконил бы Тимоха его со всеми коммунаками. Но понимание важности события, по которому они собрались, остановило Тимоху.

А тут и четвертый тост подоспел.

– За ласточку именинника, чтобы она его никогда не под-

водила, – предложил Эдуард.

Такой тост тоже следует поддержать, потому что прошлый сезон для Всеволода был не очень удачным. То он залетел правым колесом в открытый люк, въехав на территорию своего завода, то какие-то козлы разули его ласточку прямо среди бела дня. Нашел он ее, стоявшую на кирпичках в двухстах метрах от хижины его любовницы. Уже годков этак десять он обещает этой самой любовнице, что вот-вот уйдет из семьи и осчастливит ее постоянным проживанием. Бедная женщина, как она доверчива.

После четвертой порции мужички совсем раздухарились.

– Скажи, как у них закручено, – воскликнул Чубатый, – только до бабы дотронулся, как тут же в кутузку.

– Если бы только дотронулся, он же голый на нее лез, – уточнил Андрей Тюлькин.

– Да хоть и голый, – повысил голос Иван, – у нас вон олигархи по-черному гуляют. Меняют любовниц, как перчатки, и ничего.

– Да уж, – оживился Палыч, – наши миллионщики ничего не боятся. От всего откупаются, паразиты.

– И то верно, – поддержал его Тимоха, – то на курорте оргию устроят, то в банях побалуются.

– Да что олигархи. Вон у нас директор базы, вроде бы не велика шишка-то, а половину баб оприходовал. И как с гуся вода, – разоткровенничался Андрей.

– А бабы сами виноваты, – воскликнул Пафнутий, – у кого

деньги, к тому и идут.

– Да бояться они, что без работы останутся, – повысил голос Андрей.

– Ничего они не боятся, – возразил Эдуард, – вон ко мне сами на работе липнут. Уж сколько раз говорил, что не хочу, нет, все равно лезут.

– К тебе, может, и лезут, а наши бабы, в основном, из-за боязни, – настаивал Андрей.

– Согласен с тобой, Андрюха, – поддержал его Чубатый, – да мы, мужики, тоже не всегда начальству можем возразить. Чуть что, и язык в задницу.

– А ты, Иван, мужиков не трожь, – привставая с табуретки, возмутился охмелевший Всеволод, – мужики свое дело знают.

– Да не ерепенься ты, именинник, – усадил его Пафнутий, – все мы виноваты в том, что у нас беспредел и в жизни, и в бизнесе.

– Нет уж, увольте, – вновь попытался встать Всеволод, – я против этого режима все время выступаю. Я им, подлюгам ..., – погрозил он кому-то кулаком.

– Мужики, мне кажется, пора закругляться, – предложил Эдуард.

– Ну, давайте по последней, и по домам, – поднял стакан Пафнутий.

Мужики выпили по последней и поспешили из гаража.

А в гараже еще долго раздавались Всеволодовы ругатель-

CTBa.

Белый снег, пушистый

Наконец-то плачущая осень отступила.

До декабря оставалось еще целых пять дней, а зима уже прилетела в наши края на крыльях снежной метели. Резвый ветер сдул с деревьев последние листья, а снег в одночасье припорошил придорожную грязь. Всю ночь метель резвилась в опустевших улицах и скверах, а когда город проснулся, то обомлел от зачарованной белизны.

От занесенных снегом машин дворы превратились в бело-снежные лежбища сугробов, а детские площадки робко выглядывали из-под снега верхушками горок.

Звонящая тишина нависла над городом, но уже через час в белое безмолвие стали выходить сначала дворники, затем владельцы машин, а потом спешащие по своим делам горожане.

У большинства горожан укрывший землю снег вызывал самые положительные эмоции. Наиболее эмоциональные на ходу сгребали снег и лепили из него комочки. Только взрослая уравновешенность не позволяла им запустить эти самые комочки в чью-либо спину, а так хотелось. Зато школьная поросль вовсю резвилась возле школ, забрасывая друг друга снежками. У них снежная белизна ассоциировалась с приближающимися каникулами и встречей Нового года. А детвора помладше вооружилась лопатками и помога-

ла дворникам убирать снег с детских площадок. Раскрасневшиеся щечки указывали на их особое старание.

В общем, легкий морозец был в радость и старому, и малому. А к вечеру опять пошел снег, но в отсутствие ветра падал он медленно и элегантно. Ну, совсем, как в новогоднюю ночь. Разве усидишь дома в такую погоду.

Быстро одевшись, мы с женой и дочерью вышли из подъезда и направились в сторону укрытого снегом озера.

– Какая благодать, – воскликнула жена и, подхватив дочку, закружилась с ней в каком-то экзотическом танце. А потом они вместе плюхнулись в пушистый снег, и их звонкий смех растворился в кронах заснеженных деревьев.

Как приятно было смотреть на два родных и счастливых лица, по которым стекал таящий снег. В их глазах я увидел столько радости и какого-то детского сумасбродства, что мне захотелось самому поваляться в белоснежной постели. Прямо лицом я упал в снег и попытался плыть в этом пушистом море. Мой заплыв вызвал вторую волну смеха, которая только усилилась, когда я, заснеженный, встал на ноги.

Затем была воображаемая фотосессия, во время которой мы падали в снег, занимали невообразимые позы и корчили счастливые физиономии. Счастье из нас так и струилось.

Ай да снег, ай да пушистый создатель положительных эмоций.

В переполненном автобусе

На автобусной остановке чинно стоят горожане и ждут автобуса, который, почему-то, не хочет их обрадовать.

Час пик еще не наступил, но народу на остановке скопилось предостаточно.

Наконец-то из-за поворота показался долгожданный автобус, и толпа пришла в движения, предвкушая энергичное соперничество за долгожданное место.

Но автобус не только не остановился, но наоборот, набрав скорость, промчался мимо.

За лобовым стеклом автобуса красовалась табличка «В парк», которую некоторые из ожидавших сумели рассмотреть.

Над толпой пронесся ропот недовольства, усиленный критическими замечаниями в адрес работников городской транспортной организации.

«До чего докатились – гундосила пожилая женщина – когда захотят, тогда и ездят».

«Обнаглели – тут же вступил в разговор солидный мужчина в шляпе – никакой управы на них нет. Небось начальники не стоят на остановках, их с шиком доставляют».

«Вот заставить бы их потолкаться на остановке по утранке. Быстро бы порядок навели» – проворчал небритый здоровяк в штормовке.

«Видано ли дело, по всему маршруту пустым в парк ехать – прошепелявил сутулый старичок в офицерском пальто, – Как частник, захотел – повез, не захотел – оставил» – добавил он, еще больше ссутулившись.

Пожилая женщина открыла уж было рот, но заметила приближающийся автобус и засуетилась.

Автобус, недовольно фыркнув, проехал остановку и остановился. Двери автобуса со скрипом отворились, выпускная утомившихся пассажиров. Не успели первые пассажиры выйти из автобуса, как встречный поток уставших ждать ринулся к дверям, толкаясь и поругиваясь.

«Граждане, автобус не резиновый» – прокричал водитель. Он попытался закрыть переднюю дверь, но не тут-то было.

Наконец-то в дверь протискивается бородатый здоровяк, водителю удается закрыть дверь и автобус трогается.

Бородач начинает возмущаться, обращаясь к водителю: «Почему не соблюдается интервал движения? Один автобус по неизвестной причине проехал в парк, а другой вообще не хотел брать пассажиров».

Водитель внимательно следит за дорогой и не отвечает бородачу.

«Ишь ты, он с нами и говорить не желает – тут же отреагировал на молчание длинный прыщавый парень, и в сторону водителя, – вот сообщим, куда следует, тогда будешь знать».

«Я обязательно напишу в газету про эти безобразия» –

пообещал бородач.

«Напиши, сынок, напиши. Пусть там разберутся» – прошепелявил сутулый старичок.

Мнения пассажиров разделились. Одни поддержали бородача, а другие стали заступаться за водителя.

Первой в поддержку водителя высказалась сидящая впереди бабка: «Ну, чего раскричались, как бабы» – и обращаясь к бородачу, – А ты, чем в переднюю дверь лезть, шел бы в заднюю. Видела, как ты норовил вперед пробраться».

«Так я же с ребенком, неужели не видите – стал защищаться бородач, – а с ребенком положено заходить в переднюю дверь».

«Все мы знаем, что нам положено, а как шоферами, так никто не хочет быть – вступила в разговор еще одна бабка с большим кулем на коленях, – везде вон объявления повешали – требуются, требуются.....»

«А он, наверное, сам шофером был, да, видать, выгнали» – предположила ее соседка.

Бородач все грозился написать в газету и призывал очевидцев в свидетели.

«Пиши и не бойся – успокаивал бородача человек в штормовке, – а я всегда тебя поддержу. Хватит на них любоваться».

«Запиши-ка и мой телефон – воскликнула пожилая женщина, – если что, звони, обязательно пойду в свидетели».

Пассажиры входили и выходили, мелькали остановки,

а разговор все продолжался, то затихая, то вновь усиливаясь. Недовольство людей выплескивалось на водителя.

Водитель же продолжал молча выполнять свои обязанности, зорко следя за дорогой.

Лишь по взмокшей шее и покрасневшему лицу можно было понять, с каким трудом доставалось ему это молчание.

Встреча выпускников

I

Когда в очередной раз Вячеслав Михайлович Арбузов приехал на родину, чтобы навестить родню, встретил он там своих одноклассников, Петьку, то есть Петра Сидоровича Охапкина и Валерку, в настоящее время Валерия Никаноровича Глушкова. И если Валерий Никанорович был уважаемым в районном городке человеком, так как работал главным врачом местного родильного дома, то Петька в свои шестьдесят два года так и не дорос до того, чтобы его называли Петром Сидоровичем. Всю свою сознательную жизнь проработал он слесарем в автобусном парке и карьеристского рвения не испытывал. Хотя после выпитой бутылки дешевой водочки в голове у него начинали роиться крамольные мыслишки типа:

– Подумаешь, Глушков, хрен обструганный. Да если бы захотел, то руководил бы сейчас каким-нибудь министерством, а то и всем правите...

Досказать до конца свою мыслишку у него получалось крайне редко. То ли потому, что в тот момент он вырубался и мог только мычать, то ли потому, что недоговоренная мысль выводила его из себя, и он срывал свой гнев на болез-

ной супружнице Евдокии.

Хорошо, если ей удавалось увернуться от кулака Сидорыча и пересидеть возбужденное состояние мужа у соседей. Но нередко первый же замах Сидорыча заканчивался сильным ударом под Евдокиин глаз. После такого удара Евдокия падала на большущую кровать и начинала тихонько всхлипывать.

К чести Сидорыча, даже в состоянии сильного опьянения он не забывал правило, привитое ему в детстве: лежачих бить негоже.

Наутро глаз Евдокии заплывал и окрашивался красно-синим цветом.

Проснувшийся Сидорыч в недоумении смотрел на провившийся синяк и спрашивал:

– Опять о косяк стукнулась?

И Евдокия безропотно кивала головой в знак подтверждения мужниного предположения.

Хлебанув из кастрюли кислых щей, Сидорыч одевался и, как ни в чем не бывало, шел в автобусный парк. Каким бы пьяным он ни был накануне, работу он не пропускал и работал прилежно. Именно за это Сидорыча уважало начальство, а его портрет бессменно висел на Доске почета.

Итак, первым Вячеслав Михайлович встретил Сидорыча. Встреча их состоялась в местной пивной, куда Вячеслав Михайлович зашел для того, чтобы за кружкой пива соста-

вить график посещения родственников.

За это время он только и успел, что погостил два дня у старенькой мамы, да пообщался с младшей сестрой, которая после развода жила в доме родителей.

На субботу, по случаю его приезда, в мамин дом были приглашены все родственники. Вот об этом событии Вячеслав Михайлович и думал, сидя за столом.

Через некоторое время в пивной появилась подвыпившая троица. Взяв по кружке пива, она заняла соседний столик и своим громким разговором отвлекла Вячеслава Михайловича от радужных мыслей.

Вячеслав Михайлович взглянул на соседей и в одном из них разглядел что-то знакомое. Он внимательней пригляделся к седовласому человеку.

– Такие оттопыренные уши и яминка на подбородке могут принадлежать только Петьке Охапкину, – подумал Вячеслав Михайлович.

Отбросив оставшиеся сомнения, он обратился к седовласому:

– Охапкин, Петька, неужели это ты?

Сидорыч подозрительно посмотрел на человека, который так фамильярно обратился к нему. Его уже лет сорок никто не называл Петькой.

– Чего тебе? – вопросом на вопрос ответил он.

– Значит, не узнаешь своего одноклассника? Я Славка, Славка Арбузов, – улыбнувшись, ответил Вячеслав Михай-

ЛОВИЧ.

Сидорыч на мгновенье задумался, потом просиял и обратился к своим сотоварищам:

– Извините, кореша, но это мой друг детства.

Сказав это, он взял кружку и пересел к Вячеславу Михайловичу:

– Какими судьбами, Славеньгий? Если мне память не изменяет, то последний раз мы виделись лет сорок тому назад.

– Не изменяет тебе память, Петька. Тридцать девять лет тому назад, сразу после окончания летного училища я приехал сюда молодым лейтенантом. Вот тогда-то мы с тобой и виделись.

– Помню-помню. Тогда девки за тобой табунами ходили, а мы на танцах едва не подрались из-за них, – вспомнил Сидорыч.

– Да, уж, кулаками махать ты в юности не стеснялся.

– А я и сейчас не стесняюсь, – выпятив грудь, произнес Сидорыч, – если что, и молодым не уступлю.

– Как был ты, Петька, харахористым, так им и остался, – похлопав Сидорыча по плечу, воскликнул Вячеслав Михайлович, – чего сейчас-то кулаками махать?

– Это я так, для порядку, – ссутулившись, ответил Сидорыч, потом оживился и предложил, – а не выпить ли нам за встречу чего-нибудь покрепче?

– А что, предложение дельное, только угощаю я, – согла-

сился Вячеслав Михайлович.

– Не согласен, – возразил Сидорыч, – ты мой гость, поэтому угощать буду я.

– Петька, давай поступим так, сейчас угощаю я, а в следующий раз ты меня угостишь – предложил Вячеслав Михайлович.

– Хорошо, – потерев руки, согласился Сидорыч, – только возьми что-нибудь посолидней. Вячеслав Михайлович встал из-за стола и пошел в сторону стойки. Через три минуты он вернулся, держа в руках тарелку с бутербродами, две стопки и запотевший графинчик с водкой.

При виде графинчика, глазенки у Сидорыча загорелись, а обильное выделение слюны чуть не лишило его здорового дыхания.

Вячеслав Михайлович наполнил стопки и предложил:

– Ну, Петька, за встречу.

Они выпили по первой, и беседа была продолжена в более оживленном варианте. За столом раздавались:

– А помнишь ....

– А в тот раз .....

В общем, через два часа Сидорыч попытался махать кулаками, но Вячеслав Михайлович его утихомирил, вывел из пивной и помог добраться до калитки.

С Валерием Никаноровичем Глушковым Вячеслав Михайлович встретился совсем в другой обстановке.

Вместе со своей сестрой навестил он в родильном доме ее дочь, родившую два дня тому назад богатыря.

На двери одного из кабинетов он заметил табличку «Главный врач Глушков В. Н.».

– Уж не Валерка ли это Глушков, – подумал Вячеслав Михайлович.

Перед тем, как покинуть родильный дом, он постучался в дверь с данной табличкой и, услышав «Войдите», смело ее открыл.

Сидевший за столом человек мельком посмотрел на вошедшего и машинально спросил:

– По какому вопросу?

– Значит, зазнался, раз не узнаешь своих одноклассников, Валерка.

Валерий Никанорович внимательней посмотрел на вошедшего, потом встал из-за стола и подошел к Вячеславу Михайловичу. Посомневавшись несколько секунд, он неуверенно произнес:

– Арбузов, ты что ли? – Он самый, – улыбнувшись, воскликнул Вячеслав Михайлович, – зашел навестить родственницу, а тут фамилия знакомая на двери. Дай, думаю, загляну.

– Ну, и правильно сделал, что заглянул, – похлопав по плечу Арбузова, сказал Валерий Никанорович, – такую встречу нужно отметить.

Усадив Арбузова за стол, Валерий Никанорович достал из шкафа бутылку коньяку, коробку шоколадных конфет и две мензурки. Разлив коньяк по мензуркам, он предложил:

– А давай-ка за встречу, Славка.

Потом озорно посмотрел на Вячеслава Михайловича и спросил:

– А может тебя теперь нельзя так называть?

– Я же тебя Валеркой назвал.

– Тогда поехали, – сказал Валерий Никанорович и отпил коньяк из мензурки.

Вячеслав Михайлович сделал то же самой и с удовлетворением заметил:

– Хорош коньячек-то. Аж, рот заблагоухал.

– Так ведь родственники рожениц плохого коньяку не принесут, – согласился с ним Валерий Никанорович, – сколько раз говорил, чтоб не задаривали медперсонал, но разве их убедишь.

– А их и убеждать не надо, люди от чистого сердца несут в знак благодарности, – произнес Вячеслав Михайлович, – ведь вашими руками новая жизнь на свет появляется.

– Да понимаю я, но все равно неудобно, – признался Валерий Никанорович. Сказав это, он опять поднял свою мензурку и предложил:

– Давай за школьные годы выпьем.

– Давай, – согласился с ним Вячеслав Михайлович и пер-

вым опустошил мензурку. Около минуты одноклассники посидели молча, потом Вячеслав Михайлович спросил:

– Валерий, как ты смотришь на то, чтобы попытаться собрать наших одноклассников в один из весенних дней?

Валерий Никанорович с удивлением посмотрел на Вячеслава Михайловича:

– А ты сам-то веришь в возможность встречи?

– Не очень верю, но попытаться-то можно.

– Ну, если только попытаться, – согласился с ним Валерий Никанорович. Сказав это, он вновь наполнил мензурки и предложил выпить за попытку-не пытку. Третья порция коньяка пошла еще лучше. Вячеслав Михайлович даже крикнул от удовольствия. После криканья он продолжил разговор на тему будущей встречи:

– Понимаешь, Валерий, с годами мне все чаще видятся картинки из школьной жизни. То друзей школьных вспомню, то учителя вдруг привидятся.

– Стареем, Славентий, вот ностальгия-то и одолевает, – поддержал его Валерий Никанорович, я ведь тоже страдаю детскими воспоминаниями.

Один раз даже собирался организовать встречу с теми, кто остался в нашем городе, да ничего не вышло. Кому-то некогда, а кто-то особого желания к встрече не проявил.

– Ничего, – уверенно произнес Вячеслав Михайлович, – вчера не получилось, а завтра получится. Я вот что думаю .....

Но Валерий Никанорович деликатно остановил Вячеслава Михайловича:

– Давай сначала вздрогнем, а уж потом думать будем.

– Давай, – без заминки поддержал его Вячеслав Михайлович.

Они выпили еще по одной, и беседа продолжилась в более оживленном темпе. Запивая идеи коньячком, они разошлись не на шутку. Молодой задор так и струился из их глаз. И чем больше они зажигались идеей встречи, тем реальной казалось ее практическое выполнение.

В конце концов, было принято следующее решение – Вячеслав Михайлович занимается поиском и информированием тех, кто в разное время уехал из города, а Валерий Никанорович решает вопросы оповещения местных одноклассников и договаривается со школой и рестораном, а, может быть, и с местной администрацией.

Данное решение было закреплено новой порцией коньяка, после чего одноклассники по-дружески расстались.

III

Вернувшись в Петербург, Вячеслав Михайлович первым делом заглянул в свою записную книжку и обнаружил там адреса шести школьных дружков.

– Вот и отлично, – подумал он, – с них и начнем.

Он подготовил шесть писем и отправил их по найденным

адресам.

В письмах он рассказал о своей поездке на родину и встречах с одноклассниками, которые и натолкнули его на мысль об организации сбора выпускников.

Кроме того, он указал все контактные данные, по которым с ним можно было связаться.

Первым на его письмо откликнулся Вовка Киселев, то есть полковник Киселев Владимир Иванович, бывший старший преподаватель Вильнюсского военного училища. По всей видимости ностальгия по малой родине особенно сильна у тех, кто живет сейчас совершенно в других государствах. Владимир Иванович отыскал Вячеслава Михайловича Вконтакте и выразил готовность включиться в процесс поиска одноклассников.

Затем отыскились Серега Копытов, работающий в настоящее время главным бухгалтером какой-то солидной фирмы в столице нашей Родины, и Денис Тимофеев, проживающий в Караганде.

Вот тут-то и началась настоящая охота за одноклассниками, и идея встречи выпускников перестала казаться призрачной.

Узнавший о такой активности Валерий Никанорович по-настоящему зажегся этой идеей и приступил к обработке городской и школьной администрации.

Один из сотрудников Комитета по образованию изложил большое желание выступить перед одноклассниками,

но не в школе, где предполагался первый сбор, а в ресторане, где собирались отметить данное событие.

В общем, через четыре месяца после начала оповещения значительная часть одноклассников съехалась в городок. Был среди них и настоящий генерал.

Когда-то хулиганистый Женька Глотов дослужился до высокого воинского звания и теперь предстал перед одноклассниками в форме генерал-майора.

Весть о появлении в городке настоящего генерала облетела всю округу. Да и как не облететь, если живого генерала здесь сроду не видывали.

Когда Глотов Евгений Максимович со своими школьными товарищами прохаживался по городку, за ним следовала вереница пацанов и девчонок, а за калитки повыползали местные жители, чтобы своими глазами увидеть такую невидаль.

Сидорыч, дабы обозначить свою причастность к столь важному моменту, пытался держаться поближе к Евгешке. Именно так, по старой памяти, он называл про себя Евгения Максимовича.

– Пусть все видят с какими персонами знается Сидорыч, – думал он, выпятив свою впалую грудь и бодро шагая рядом с генералом.

Кроме Сидорыча, рядом с генералом шагала зубной врач Татьяна Васильевна Сулова и директриса промтоварного магазина Ульяна Пичугина.

Танька Сулова вцепилась в генерала с одной стороны,

а Ульянка Пичугина ухватилась за него с другой.

Генерал с ними весело переговаривался, не забывая по-сматривать на молодух, провожавших его восхищенными взглядами.

Много бы отдала Танька Суслова, чтобы вернуть те школьные дни, когда Женька Глотов увивался за ней, а она дала ему тогда от ворот поворот. Сейчас она ни за что бы не сделала такого опрометчивого шага.

– И на кого променяла я такого красавца, – думала она, всем своим телом ощущая силу и уверенность Евгения Максимовича, – дал бог муженька-хлюпика., который только и делает, что держится за мою юбку. Но разве я могла предположить, что из разгильдяя Женьки вырастет такой бравый генерал. А Ульянка Пичугина думала о своем:

– Нет, такого мужика не нужно упускать. После торжества обязательно приглашу его к себе. Надо же, каким Женька стал. В детстве я на него и внимания-то не обращала, а один раз даже портфелем по башке ударила. За упомянутыми персонами шагали Вячеслав Михайлович в форме подполковника ВВС, полковник Киселев Владимир Иванович и Сергей Александрович Копытов.

– Вот тебе и Женька, – удивлялся Сергей Александрович, – никогда бы не подумал, что из него генерал выйдет.

– В струю попал, – вступил в разговор Владимир Иванович, – мы с ним одно училище заканчивали, в одной академии затем учились. Я на запад получил направление, а он

восток покорял. Вот там и дослужился до генерала.

– Неужели в Афгане был? – спросил Сергей Александрович.

– В Афгане не был, но рядом служил, – ответил Владимир Иванович.

В это время из-за угла двухэтажного дома вывалился какой-то пьяный мужик. Увидев важных персон, он всплеснул руками и заплетающимся языком промычал:

– Батюшки, да неужто генерал к нам пожаловал?

Вырыгнув эту фразу, он попытался выпятить грудь и отдать честь, но покачнулся и, если бы не стена дома, завалился бы в подсыхающую лужу.

– Никодимыч опять нажрался, – прокомментировала Ульяна, – восьмой десяток пошел, а все никак не угомонится.

– Неужели это тот самый Никодимыч, который у нас в школе завхозом был, – спросил Евгений Максимович.

– Он самый, – вступила в разговор Татьяна Васильевна, – как жену похоронил, так и не просыхает теперь. – А ведь раньше мы его и выпившим-то не видели, – удивился Евгений Максимович.

– Раньше не видели, а теперь уж лет пятнадцать, как пьет, – уточнила Ульяна.

Так за разговором представительная процессия дошла до здания школы, где уже собрались другие участники торжества.

Теперьшняя директриса пригласила их в школу, и они шумной толпой направились к классу, в котором когда-то учились.

Войдя в класс, многие из собравшихся остановились в нерешительности. Одни оттого, что нахлынувшее волнение перехватило дыхание, а другие потому, что уже подзабыли, за какой партией они сидели.

Хорошо, что Валерий Никанорович захватил с собой старую фотографию, на которой, сидя за партами, строили веселые гримасы нарядные выпускники. Глядя на фотографию, собравшиеся разместились за партами. Правда трем из них внушительные животы не дали возможности занять свои места. Специально для них принесли стулья, и молодящаяся директриса начала свое вступительное слово:

– Здравствуйте, дорогие гости. Мы рады приветствовать вас в стенах нашей школы, школы, которую вы успешно закончили более тридцати лет тому назад. Вы являетесь первыми ласточками, так как еще ни один класс, выпущенный ранее, не проводил встречи выпускников. Думаю, что ваше начинание поддержат в дальнейшем и другие выпускники. После этих слов директриса перевела дыхание и предложила:

– А теперь я бы хотела, чтобы каждый из вас рассказал немного о себе. Кто желает выступить первым? Наступила неловкая пауза, которую прервал зычный голос одного из собравшихся:

– А пусть по традиции первой выступит наш комсомольский секретарь Светочка Климова. Помнится, она очень любила открывать разные мероприятия.

– Правильно, пусть Светка и начнет, – хором поддержали собравшиеся.

– И никакая я вам не Светка, – нахмурившись, произнесла ухоженная и модно одетая женщина, – Светлана Акимовна собственной персоной, хозяйка швейной фирмы, на которой выпускаются такие известные бренды, как Ленский, Чу-чо и Пигмалион.

Сказав это, Светлана Акимовна взглядом победительницы обвела собравшихся и продолжила:

– Рекомендую одеваться в продукцию моей фирмы.

Не многие из собравшихся понимали значение слова «бренд», поэтому сидели, скромно потупив глаза. У одних на этих потупившихся глазах можно было прочесть определенную растерянность, у других же неопределенную зависть.

И только в глазах обладателя зычного голоса можно было заметить лукавую смешинку. Не пряча хитровой улыбки, обладатель зычного голоса задал новый вопрос:

– А расскажи-ка Светлана, – на отчестве он поперхнулся, – Акимовна, как ты до жизни такой докатилась? Светлана Акимовна медленно повернула свою ухоженную головку в сторону задавшего вопрос и произнесла:

– А ты, Кирюша, так и не изменился. Был шутником и баламутом, так им и остался.

– И никакой я вам не Кирюша, – передразнил обладатель привычного голоса Светлану Акимовну, – Кирилл Григорьевич Басов собственной персоной, артист областного драматического театра. Заслуженный артист России, между прочим.

– Вот те на, – послышались возгласы удивления, – Кирюха и артист.

– А кому же, кроме Кирюхи, артистом быть, – вступила в разговор Ульяна Пичугина, – кто, кроме него больше всех гримасничал в школе.

– Не гримасничал, а лицедействовал, – поправил ее Кирилл Григорьевич.

– Ну, дайте же Светке, то есть Светлане Акимовне, закончить, – встрял в разговор Сергей Александрович Копытов.

Собравшиеся утихомирились и Светлана Акимовна продолжила:

– Да, вроде бы, и продолжать-то нечего.

– Как это нечего, – возмутился Вячеслав Михайлович, – а про детей кто будет рассказывать?

– Есть у меня сын, и живет он сейчас в Греции, – сверкнув взглядом победительницы, ответила Светлана Акимовна, – а еще есть внучка Анжелочка, которой пятнадцать лет.

– А что это твой сынок в Грецию-то укатил? – ехидно спросил Петр Сидорович.

– А то и укатил, что там ему комфортней и спокойней, – ответила Светлана Акимовна.

– А ты что же не едешь? – еще ехиднее спросил Петр Си-

дорович.

– А то и не еду, что мне и здесь хорошо, – ответила Светлана Акимовна, – это молодым легко с места сорваться.

– И то верно, – согласился с ней Валерий Никанорович, – моя дочь тоже в Америку укатила. Теперь в Майами практикует.

– Это как это практикует? – поинтересовался Сергей Александрович.

– Детским врачом работает, – уточнил Валерий Никанорович, – всем довольна, к родителям приезжает только раз в два года.

– Значит, по твоим стопам пошла, – не то спрашивая, не то утверждая, промышчал Сергей Александрович.

В классе вновь возникла неловкая пауза, каждый из присутствующих задумался о чем-то о своем.

Первой эту паузу прервала Пичугина Ульяна Федоровна:

– Товарищ генерал, Евгений Максимович, расскажите немного о себе.

– Разве можно Вам отказать, Ульяна Федоровна, – игриво произнес Евгений Максимович и серьезней продолжил, – после школы я, вместе с Вовкой Киселевым, поступил в Вильнюсское военное училище. Служил в Средней Азии. Дослужившись до капитана, поступил в военную академию и опять вернулся на восток. Сейчас команду дивизией в Забайкальском военном округе. Два сына пошли по моим стопам, один служит в Ленинградском военном округе, другой в Москов-

ском. Вот такая вот биография.

– А жена Ваша с детьми или с Вами? – с надеждой спросила Ульяна Федоровна.

– Со мной, а как же иначе-то, – с улыбкой ответил Евгений Максимович, – она с самого училища со мной.

От такого ответа настроение у Ульяны Федоровны немного подпортилось, но она бодренько воскликнула:

– Значит, Вам очень повезло, Евгений Максимович.

– Не без этого, – подмигнув Ульяне Федоровне, произнес Евгений Максимович.

– А давайте-ка послушаем Таньку Суслову, – предложил Вячеслав Михайлович.

– А я теперь не Сулова, – покраснев, проинформировала Татьяна Васильевна, – я теперь Архипова Татьяна Васильевна, – имею свой стоматологический кабинет. Так что милости просим, обслужу по знакомству. Она мило улыбнулась и обвела веселым взглядом собравшихся.

– А по знакомству, значит бесплатно? – хитро прищурившись, спросил карагандинец Денис Тимофеевич Тимофеев.

– Бесплатно-не бесплатно, а с хорошей скидкой полечу, – улыбнувшись теперь только Денису Тимофеевичу, ответила Татьяна Васильевна.

– Да он ни за что не придет, – вклинилась в разговор Ульяна Федоровна, – разве можно забыть, как он уколов боялся.

– Ничего я не боялся, – покраснев, по-мальчишески выкрикнул Денис Тимофеевич.

– Да дайте же Таньке-то, то есть, Татьяне Васильевне, высказаться, – зычно выдал Кирилл Григорьевич.

Все вновь притихли, и Татьяна Васильевна продолжила:

– У меня есть дочь, и две внучки, а мужа похоронила три года тому назад.

Сказав это, она склонила свою седеющую голову и замолчала. Вновь наступила минутная пауза, которую долго никто не решался прервать. Первым ее все же прервал Петр Сидорович, которому уже давно не терпелось перебраться за праздничный стол:

– А давайте-ка продолжим наш обмен информацией за накрытым столом. Его тут же поддержала большая часть мужчин:

– Давайте, давайте.

– Наконец-то, Петька дело предлагает.

– За столом-то повеселей будет.

IV

В снятом для такого случая кафе к обмену информацией, подслащенному тостами все уже было готово. Одноклассники шумно расселись за общий стол, и Евгений Максимович взял власть в свои руки:

– Ну что ж, самозванцев нам не надо, командиром буду я. Глотающие слюни гости единодушно его поддержали:

– Давай, Евгешка, управляй бордельером.

– Начинайте уж, Евгений Максимович.

– Правильно ли я понял, что принято единогласно? – выпятив грудь, спросил Евгений Максимович.

– Правильно, – раздалось за столом, – да не тяни ты, ради бога.

– Тогда наливай, – скомандовал Евгений Максимович и цепкие мужские руки потянулись к бутылкам.

– А теперь я хочу сказать первый тост, – воскликнул Евгений Максимович, – давайте выпьем за нашу первую встречу. Надеюсь, что она будет не последней.

– За встречу, за встречу, – раздалось над столом, после чего послышались дружные бульканья и чавканья.

Дав собравшимся немного закусить, Евгений Максимович встал из-за стола и предоставил слово Киселеву Владимиру Ивановичу.

– А я хочу предложить тост за дружбу, – сказал он, – с некоторыми из вас я и раньше поддерживал дружеские отношения, но большую часть я увидел впервые после окончания школы. Так вот, за дружбу.

Собравшиеся дружно выпили и застучали вилками по тарелкам. Кто-то из них смачно подчавкивал. Закончив закусывать, Петр Сидорович предложил:

– А ты Володька рассказал бы что-нибудь о себе, а то только погоны и видим.

И Владимир Иванович рассказал, что сейчас является военным пенсионером, а до пенсии работал старшим препода-

вателем в Вильнюсском военном училище, которое когда-то вместе с Евгением заканчивал. Сына своего потерял десять лет тому назад, тот умер в самом расцвете сил от передозировки.

– Распад Советского Союза больно отразился на судьбах многих наших людей, – сказал он, – вот и я теперь живу в другом государстве без каких-либо прав.

И тут за столом поднялся шум. Подогретые спиртным одноклассники на перебой принялись ругать долбанную перестройку и ее авторов. Было видно, что тема эта близка каждому из присутствующих. И даже хозяйка швейной фабрики не преминула высказать на данную тему пару критических фраз, типа:

– Бюрократов да взяточников расплодилось столько, что не продохнуть.

Зычный голос артиста выделялся особенно:

– Театры разваливают, пошлятиной засорили весь репертуар, повылазили бездари, талантам проходу не дают.

И даже командные потуги генерала не мог охладить пыл собравшихся. Наконец он не выдержал и рявкнул:

– Отставить разговоры, господа-товарищи, имейте же совесть.

Совесть у собравшихся явно присутствовала, потому что полупьяный гвалт за столом резко закончился.

– Вот это дело, – удовлетворенно произнес генерал, – третий тост я предлагаю выпить молча за тех, кто в море. Ины-

ми словами за тех, кого с нами по той или иной причине нет. Присутствующие молча выпили, а вот закусить тихо не удалось. В нависшей над столом тишине были отчетливо слышны стук вилок и разнообразное чавканье.

После третьего тоста собравшимся было предложено перекурить и размяться на танц-поле. Именно так и сказал хозяин кафе, появившись возле стола.

Правда, сначала он спросил о настроении собравшихся:

– Уважаемые гости! Все ли вас устраивает, может быть, есть какие-нибудь пожелания?

И когда единственным пожеланием гостей оказалось желание перекурить, хозяин кафе предложил:

– Дорогие гости! Конечно, перекурите, а кто желает, может выйти на танц-пол и потанцевать. Для вас играет наш джаз бенд.

Вот ведь как, не просто три заштатных музыканта, а джаз бенд.

На танц-поле остались только Татьяна Васильевна да Сергей Александрович, а остальные направились на свежий воздух, чтобы выпустить в него сигаретного дымку.

Мы не станем прислушиваться к разговору Татьяны Васильевны с Сергеем Александровичем, пусть себе воркуют. А вот разговор курильщиков очень даже интересно послушать.

– Кто-нибудь может сказать, почему нет Людки Ворониной, – закурив сигарету, спросил Вячеслав Михайлович, –

ведь я с ней за одной партой сидел.

– А Людка после школы вышла замуж за какого-то узбека и уехала с ним на родину, – после минутного молчания сообщила Ульяна, – несколько раз она приезжала навестить свою мать. В последний раз я видела Людку лет десять тому назад на похоронах ее матери. У нее вроде бы три девочки.

– Да, раскидала нас жизнь по свету, – тяжело вздохнул Владимир Иванович.

– Раскидать-то раскидала, а вот собрать никак не может, – вступил в разговор Кирилл Григорьевич.

– Теперь уж вряд ли соберешь, – произнес генерал, – мои знакомые и хотели бы вернуться в Россию, так бюрократы замучили бумагами. Нашему русскому человеку ставятся всякие препоны при оформлении гражданства и прописки. Чи нуши без стыда и совести вымогают у них последние деньги.

– Да, куда ни глянь, везде одни рвачи и мздоимцы, – согласился с ним Валерий Никифорович. Он хотел еще что-то добавить, но Светлана Акимовна перебила его:

– Что это вы, мужики, скучную тему завели. Рядом с вами симпатичные женщины, а вы все о проблемах. А ну-ка приглашайте на танцы.

Евгений Максимович тут же подхватил Светлану Акимовну под ручку, а за Ульяну уцепился Кирилл Григорьевич. Остальные потянулись за ними.

А за столом уже сидел раскрасневшийся Сидорыч. Никто и не заметил, как тот, быстро выкурив свою папиросу, вер-

нулся в зал и, наполнив водкой фужер, залпом его осушил.

Джаз бенд перестал играть, и встреча одноклассников была продолжена.

Слово было предоставлено Валерию Никифоровичу, и тот произнес:

– Дорогие друзья-товарищи, не все сегодня смогли приехать на эту встречу по разным причинам. Я могу сказать только о тех, с которыми пытался связаться. Родственники Вовки Топегина рассказали мне о том, что в начале девяностых нарвался он на каких-то махинаторов, и те отобрали у него квартиру. Теперь неизвестно жив он или бомжует где-то. А вот у Инки Поляковой жизнь удалась, но живет она в Петропавловске-Камчатском и добраться до нас в этот раз не смогла, слишком накладно. Зато она прислала мне телеграмму, которую я и хочу зачитать: «Дорогие однокашки, очень хотела вас повидать, но не случилось. Желаю хорошей встречи и приятных воспоминаний. Я на Камчатке буду пересматривать школьные фотографии и вспоминать вас. Ваша Инка».

Услышав привет с Камчатки, одноклассники оживились и предложили выпить за Инку.

После небольшого перерыва на закусок слово было предоставлено Вячеславу Михайловичу, но возмутился подвыпивший Сидорыч:

– А что это заслуженному пролетариату слово не дают. Я, может быть, тоже хочу выступить. Ты, Славеньтий, посиди, –

обратился он к Вячеславу Михайловичу.

– Ну, давай выступай, – разрешил Евгений Максимович.

– А вот и выступлю, – заплетающимся языком промямлил Сидорыч, – не лыком, чай, шит.

Не жалуют что-то в последнее время рабочий класс, а ведь на нем все и держится. На наших плечах все и держится, – на этом месте он покачнулся, и, если бы не сидевший рядом Денис Тимофеевич, завалился бы на стол.

– А что, можно и за рабочий класс, – поддержал его Евгений Максимович, – давайте-ка выпьем за рабочий класс.

Сидевшие за праздничным столом дружно его поддержали.

И именно этот тост окончательно выбил Сидоровича из строя. Опустошив стопку, он как-то сразу обмяк и чуть не упал со стула.

Денис Тимофеевич и Владимир Иванович помогли ему переместиться к гардеробу и уложили на диван.

Потери бойца постарались не заметить, и банкет был продолжен.

По его окончании решили собираться на встречи каждый год. Люди так соскучились по общению.

Встреча

Эта встреча, так взволновавшая меня, произошла в один из весенних солнечных дней в вагоне пригородной электрички.

Я сидел у окна и мысленно готовил себя к очередному занятию с моими учениками.

За окном проплывал знакомый пейзаж с просыпающейся природой и распускающимися деревьями. Вагон был озвучен веселым щебетанием студенток и незлобивым ворчанием старушек.

Напротив меня присел молодой капитан с крылышками на петлицах форменной одежды.

Лицо капитана привлекало своей необычайной открытостью, и я невольно засмотрелся на него, пользуясь тем, что тот углубился в чтение «Собеседника».

Читал капитан увлеченно и эмоционально. Он то сердито хмурился, то искренне радовался прочитанной информации.

Вдруг я заметил, что ресницы его стали предательски подрагивать, а в глазах появился неестественный блеск. Капитан тяжело вздохнул и надолго задумался, уставившись в одну точку. Так он и сидел, не слыша монотонного стука колес и не замечая вагонной суеты. Все пассажиры уже вышли на конечной станции из вагона, а капитан все сидел, думая

о чем-то своем.

«Товарищ капитан – обратился я к нему, – пора уже выходить. Электричка следует в депо».

Капитан отрешенно посмотрел на меня, затем глянул в окно и произнес: «Уже Ленинград? Как незаметно пролетело время».

Мы вместе вышли из вагона и поспешили к станции метро. Перед входом в метро я все же решился и спросил капитана о причине, так взволновавшей его.

«Понимаете, читал сейчас в „Собеседнике“ письма ребят, которые в свое время служили в Афганистане, и подумал о своем друге. Если у Вас есть время, то я могу вкратце рассказать о нем».

До начала занятий оставалось еще более двух часов, и я согласился.

Мы присели в скверике на привокзальной площади, и капитан начал свой рассказ:

«Три года тому назад нам пришлось перевозить группу раненых из Кабула в Союз. Самолет был полностью подготовлен, раненые размещены в грузовой кабине, экипажу оставалось только занять свои места в кабине пилотов и приступить к выполнению ответственного задания. Проходя к кабине пилотов, я вдруг услышал тихий голос, обратившийся ко мне: «Товарищ капитан, дядя Сережа, здравствуйте».

Оглянувшись на голос, прежде я увидел внимательные

воспаленные глаза. Голова и руки обладателя этих глаз были плотно забинтованы. Он лежал на носилках и, не моргая, смотрел на меня. Я подошел и молча присел рядом с бойцом.

«Дядя Сережа, Вы, наверное, не узнаете меня, да и не мудрено. Я-то Вас сразу узнал, Вы же мой сосед по подъезду. Помните, как Вы учили нас играть в футбол возле нашего дома».

Я сидел и не знал, что ответить, но глаза бойца умоляюще смотрели на меня, и я впервые в жизни солгал: «Помню, конечно, помню. Ох, и дружная была у вас компания – один за всех...»

«Дядя Сережа, я ведь тоже поступал в военное училище, да не прошел по конкурсу. Мы вместе с Петькой поступали. Помните Петьку-то? Он поступил, скоро офицером станет».

«А что случилось-то с тобой, браток, – попытался я сменить тему разговора, – хочешь, я тебе попить принесу?»

«Нет, спасибо» – ответил он и тяжело вздохнул.

«Ты не волнуйся – попробовал успокоить я раненого бойца, – сейчас мы тебя вмиг на Родину доставим. А пока отдохни немного. Видишь, меня экипаж заждался».

Я старался сказать эту фразу бодрым и решительным голосом, но губы не слушались меня и шепелявили что-то невнятное.

Тронув бойца за плечо, я поспешил занять свое место.

После посадки я вновь подошел к своему новому знакомому, пожелал ему скорейшего выздоровления и большого

счастья. На прощание, я оставил раненому бойцу свой адрес, написанный на клочке бумаги.

Я шел к выходу из самолета, а спину мне жег его прощальный взгляд, пытавшийся остановить меня. Я понимал, что самого главного боец мне так и не успел сказать, но остановиться и вернуться назад уже не мог, о чем в дальнейшем очень жалел.

Капитан прикурил сигарету и жадно затянулся. Несколько минут мы сидели молча, и я не решался нарушить это молчание. Докурив сигарету, капитан продолжил свой рассказ:

«Вы, наверное, хотите спросить, в чем заключалась моя неправда? Просто, никакой я не дядя Сережа и никогда не был соседом того юноши. Он меня с кем-то спутал, а я не хотел его огорчать. Теперь-то я понимаю, что не стоило тогда обманывать этого сильного человека. Сильного и совсем еще молодого».

«А Вы, что, опять встречались с Вашим новым знакомым?» – спросил я.

«К сожалению, не встречался. Через год после той встречи я получил письмо от Володи. Именно так зовут моего нового друга. Написал он мне его только после окончательного определения своей дальнейшей судьбы. Заканчивалось это письмо такими словами:

«Пока афганскую землю будут топтать враги революции и пока не перестанут страдать афганские дети, не смогу я спокойно смотреть людям в глаза. Я должен быть там, где

остались мои боевые товарищи».

Потом письма стали приходить чаще, и теперь мы постоянно переписываемся с Володей.

Я очень волнуюсь, если письма от Володи по каким-то причинам задерживаются».

«Так значит, Володя опять в Афганистане»? – спросил я капитана.

«Да, он окончил школу прапорщиков и снова отправился в Афганистан. Каждое его письмо – это обстоятельный рассказ о героизме и подвигах наших воинов. О себе только то, что здоров, что все у него хорошо, и трудностей вроде бы никаких нет. Недавно прислал свою фотографию. Грудь его украшают орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

Капитан опять закурил, а я сидел и заново осмысливал все сказанное им. Как виноваты мы перед Володиным поколением, как благодарны мы ему за отвагу и честь.

Прощаясь, мы договорились обязательно встретиться вновь.

Выстрел в голову

Служил старший лейтенант Велехов в отдельной авиационной эскадрильи, расположенной под Ленинградом, вот уже двенадцать лет. Некоторые его однокашники уже майорами ходили, а он за эти годы только раз отмечал получение очередного воинского звания. Да и как его получишь, если должность авиационного техника по АДО другого звания не предполагала. Работу свою Анатолий Велехов любил и ответственно к ней относился. А вот любви к жене Татьяне Анатолий уже давно не испытывал. Конечно, поначалу какое-то чувство тянуло его к Татьяне, но назвать это чувство любовью Анатолий бы не решился.

Все произошло как-то уж очень быстро. Учась на последнем курсе училища, познакомился Анатолий с Татьяной в училищном клубе на вечере. После танцев проводил он ее, как положено, до дома и хотел уже распрощаться, как обхватила его Татьяна своими цепкими руками и присосалась так, что сил никаких не было от нее отцепиться. Точнее, силы на дело нехитрое он все же нашел. И так уж случилось, что Татьяна оказалась первой девушкой, с которой он оказался так близок.

Может быть, именно поэтому в тот вечер, в порыве страсти он и проямлил: «Я люблю тебя, Таня».

А Таня оказалась девушкой сметливою и очень чувствен-

ной. Будешь тут чувственной, если подружки уже повыходили замуж за курсантов, а она, сколько ни встречалась с ними, никак не могла окольцеваться.

Мертвой хваткой она вцепилась в Анатолия и уже не выпустила до самого ЗАГСа.

Анатолий, может быть, и отцепился бы от нее, но когда она известила его о своей беременности, сдался и дал согласие на свадьбу. Не дай бог, Татьяна до политотдела дойдет.

Свадьбу отгуляли перед самым выпуском. Уже на свадьбе Татьяна изрядно выпила и не единожды вешалась на шею одноклассников Анатолия. Родители Анатолия попытались в последний раз его отговорить, но что сделано – то сделано. Чувственные гормоны оказались сильнее родительских увещаний.

После свадьбы Анатолий все же высказал Татьяне пару ласковых, а заодно поинтересовался ходом беременности, на что жена как-то уклончиво ответила:

– Пока малыш меня не беспокоит.

Анатолию этот ответ показался странным, но занятый подготовкой к отъезду в часть, он удовлетворился и им.

И вот лейтенант Велехов со своей молодой женой прибыл в часть для дальнейшего прохождения воинской службы. Дали им тогда комнатку в коммунальной квартире, в которой проживала семья механика по авиационному оборудованию, прапорщика Матвеева.

Поначалу лейтенанта определили в группу наземников,

но он так просился на борт, что командование эскадрильи пошло ему навстречу, и Анатолий Велехов стал членом одного из экипажей. А служба летного экипажа военно-транспортной авиации нередко разбавляется командировками в тот или иной регион нашей необъятной Родины.

Вот и экипаж, к которому был приписан лейтенант Велехов, частенько убывал в командировки.

Из первой командировки Анатолий частенько звонил своей жене, интересуясь ее здоровьем и поведением еще не родившегося малыша. В один из таких звонков он узнал, что у Татьяны случился выкидыш. Узнав об этом, он очень сильно расстроился и с трудом дождался окончания командировки. А как же не расстроишься, если ожидаемый ребенок уже не родится. Да и состояние жены его тоже волновало, мало ли что могло случиться при выкидыше.

По прибытии на базу он отпросился у командира и поспешил домой. Татьяна его встретила так, будто он никуда и не убывал. Анатолию даже показалось, что жена была под небольшим кайфом.

– Наверное, переживает из-за потери малыша, – подумал он и не стал резко реагировать на состояние жены.

Жена тем временем накрыла на стол, достала из тумбочки бутылку водки и предложила выпить за его возвращение. После стопки глаза у нее загорелись, она встала со стула, подошла к Анатолию и его обняла.

– Слава богу, – промелькнуло у Анатолия в голове, – а я

невесть что подумал.

Ночью Татьяна удовлетворила его на все сто процентов, отдавшись, как в последний раз. Впрочем, в постели она всегда была горячей и обворожительной.

Но поутру она встала не с той ноги. На все вопросы Анатолия отвечала резко и неохотно. Списав ее резкость на недосып, Анатолий поспешил в часть. Настроение его нельзя было назвать хорошим. Это заметили и сослуживцы.

После другой командировки Анатолий обратил внимание на изменившееся поведение соседа. Раньше они могли поболтать на кухне или перекинуться парой шуток, а теперь прапорщик отводил глаза и старался уйти от разговора. Да и Татьяна вдруг стала курить и никакие увещания не могли заставить ее бросить эту вредную привычку.

Червь сомнений еще активней внедрился в сознание Анатолия, но он сдерживал себя, пытаясь развеять эти самые сомнения. Да и работа отнимала слишком много времени, чтобы заикливаться на поведении жены.

Через пару лет Велеховым дали отдельную однокомнатную квартиру, и Анатолий немного успокоился.

– Вот теперь заживем, – думал он.

Вот только ребенок у них так и не получался. Может быть, поэтому Татьяна стала чаще выпивать и по своему усмотрению использовать время длительных командировок Анатолия.

По гарнизону уже давно ползали слухи об ее ненасытной

тяге к мужикам, но Анатолий не обращал на них особого внимания. Он продолжал честно выполнять свой воинский долг, не думая о наградах и почестях.

Иногда он пытался заговорить с женой на тему слухов, но та всякий раз списывала это на злые языки завистливых баб, которых, по ее словам, в гарнизоне было много.

После ее высказываний сомнения все же оставались, но бурная ночь не оставляла от них никаких следов.

Так тянулось до тех пор, пока злые языки не внедрились в экипаж. С этого момента старший лейтенант Велехов стал объектом злых шуток и подначек. Всем известно, что языки у мужиков развязываются после третьего стопаря. И вот тогда держись, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Да ладно бы только пьяные разговоры, страшнее были осуждающие взгляды однополчан. И эти взгляды Анатолий стал ощущать всеми фибрами израненной души.

И вот настал тот день, когда израненная душа не выдержала, и случилось то, что случилось.

В этот день старший лейтенант Велехов заступил в наряд дежурным по части. Получив пистолет и приступив к дежурству, Анатолий проверил посты и вернулся в комнату дежурного.

Дождливая погода не добавляла Анатолию оптимизма, а шальные мысли, как назло, будоражили его сознание. Что он только не передумал за этот вечер.

Он перелистал в уме все страницы супружеской жизни

и не нашел ничего радужного, кроме безумных ночей, проведенных с Татьяной.

Но одними ночами сыт не будешь. Наоборот, в картинке этих самых ночей вдруг стали врываться другие мужики, и их участие в любовном безумии было страшнее любого испытания.

Анатолий вскочил и, словно ополоумевший, выскочил из комнаты дежурного. Непослушные ноги понесли его в сторону родного дома. Каждый шаг добавлял Анатолию небывалой решимости, и только у порога квартиры он на секунду задержался, потом открыл ключом дверь и вошел в спальню.

На кровати лежала жена в объятиях замполита эскадрильи. Кровь прилила к голове Анатолия, он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил сначала в замполита, потом в ошалевшую Татьяну.

Если бы он позволил ей сказать, хотя бы, слово, второго выстрела могло и не случиться. Но решимость вовремя спустила курок.

После выстрелов на Анатолия навалилась полная опустошенность. Присев на стул, он несколько минут тупо смотрел на бесчувственные тела, потом сунул пистолет в рот и сделал последний выстрел. Последний выстрел в голову.

Две жены Бориса Смирнова

Жил наш Борис, поживал, да добра наживал со своей женой Галиной Борисовной. Была Галина Борисовна добродушной хохлушкой с совсем незамысловатыми потребностями. Самым главным для нее была семья и все, что вкладывалось в это понятие. Борис тоже особыми изысками не отличался, был худосочным и непривередливым муженьком. Обзаведясь ранней лысиной, на особое расположение женщин он не рассчитывал. Да и до женщины ли пашущему с утра до вечера человеку. Будешь тут пахать, если два рта в лице сына и дочери постоянно ждали его, не скрывая своего аппетита.

Так бы и жили Смирновы в мире и согласии, но напился как-то раз Борис до потери памяти. И вернулась ему эта самая память только на следующее утро в квартире доселе незнакомой женщины. Ощупав взглядом свое голое тело, Борис посмотрел по сторонам, а заметив бутылку пива, дрожащей рукой схватил ее и на одном дыхании опустошил. По телу разлилась прохладная приятность, и снова захотелось жить. Захотеться-то захотелось, но прежде нужно было определиться со своим местонахождением. Борис встал с дивана, накинул приготовленный заботливой рукой халат и направился на кухню, откуда доносились какие-то звуки, и потягивало чем-то жареным. На кухне он застал худоща-

вую женщину, суетившуюся возле плиты.

– С добрым утром, Борис, – поздоровалась она с ним.

– С добрым утром, – пробурчал в ответ Борис, – как это я здесь оказался?

– Все очень просто, – улыбнулась женщина, – вы вчера выпили лишнего и прикорнули на дворовой скамейке. Я побоялась, что вы замерзнете, поэтому перетащила вас к себе. Хорошо, что сосед помог мне в этом.

– А как зовут-то Вас, спасительница?

– А зовут меня Катериной, – представилась женщина.

– А почему я оказался голым на вашем диване, – опять спросил Борис.

– А потому, что вы сильно запачкались, и я постирала Ваше белье.

– Что, и куртку выстирали, – с удивлением спросил Борис.

– И куртку выстирала, – подтвердила Катерина, – а давайте лучше позавтракаем, а то остынет все.

Она усадила Бориса за кухонный стол и предусмотрительно выставила на стол бутылку беленькой. Увидев бутылку, Борис заглотнул внушительную слюну и потянулся к ней, но Катерина опередила его и сама наполнила два граненых стакана.

– Борис, давайте выпьем за знакомство, – предложила она.

Борис в одно мгновение опрокинул стакан и без особого желания приступил к закуске.

А на столе были соленые огурцы и квашеная капуста, са-

лат «Мимоза» и балычок. В общем, ешь – не хочу.

– Как это не хочу, очень даже хочу, – промелькнуло в голове у Бориса. И, несмотря на похмелье, он за столом хорошо потрудился. Допив и Катеринин стакан, Борис поклевал салату, но закружившаяся голова чуть не уронила его со стула. Катерина помогла ему добраться до дивана и прилегла рядом с ним. Пока он спал, Катерина внимательно обследовала его тело. Давненько она не видела в своей кровати голого мужика. В целом он ей понравился, и только Борисова грудь показалась ей немного хиловатой.

– Какой-никакой, а все мужичок, – подумала она.

Проснулся Борис уже под вечер. Увидев рядом Катерину, он попробовал ее обнять, но какая-то сила так и удержала руку на весу.

– Извини, Катерина, но мне пора домой, а то загулялся я что-то, – извинился Борис и постарался поскорей освободить диван.

Катерина не стала его удерживать, она, молча, передала ему высохшую одежду и потянулась на кухню. Уже перед самым уходом, Катерина спросила Бориса:

– А ты еще придешь ко мне?

– Конечно, приду, – с уверенностью пообещал Борис и поспешил покинуть уютное Катеринино гнездышко.

Выйдя на улицу, Борис подумал про себя:

– Вряд ли я еще раз приду сюда.

Дома, конечно, состоялся неприятный разговор с женой

Галиной. Перемежая русские и украинские слова, Галина обрушила на его голову увесистую тираду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.